

На правах рукописи

СИЗОВА ИРИНА ЛЕОНИДОВНА

**МОДЕРНИЗАЦИЯ «КОНСЕРВАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА
БЛАГОСОСТОЯНИЯ» В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Нижний Новгород – 2009

Работа выполнена на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского

Научный консультант: **САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна**
доктор философских наук, профессор

ГРИГОРЬЕВА Ирина Андреевна
доктор социологических наук, профессор

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович
доктор социологических наук, профессор

Ведущая организация: **Саратовский государственный
технический университет**

Защита диссертации состоится 2 апреля 2009г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.166.14 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Н.Новгород, Университетский пер., д.7, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000, г. Н.Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 1.

Автореферат разослан « _____ » февраля 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат социологических наук, доцент

Кутявина Е.Е.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В XX веке в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) возник масштабный «модернизаторский проект», названный «государством благосостояния», институализировавший течение социальной жизни и создавший основания для восприятия гражданского статуса в качестве более весомого аргумента при извлечении выгод (благ), чем традиционная «классовая» принадлежность индивидов. Социальные права рассматривались как способ достижения стабильности, защиты от рисков, облегчения взаимодействия граждан с социальной средой. Однако, общественные проблемы глобализации, изменение структуры производства и занятости, плюрализм и индивидуализация форм и стилей жизни в соединении с сенсбилизацией жизненных рисков (бедность, безработица, эксклюзия) и их трансляции в средние слои, миграционные и демографические процессы выявили неэффективность социально-политического регулирования социально-трудовой сферы и социальной защиты трудоспособных лиц. Кризис государства благосостояния в общественном дискурсе связывался с разрастанием финансовых проблем, отягощением хозяйства и увеличением бремени для индивидов, потерей доверия к институтам социального управления и эрозией некоторых важных в прошлом общественных структур (профсоюзов), конфликтами перераспределения между привилегированными и игнорируемыми государством группами, подпитываемые чувствами несправедливости и незащищенности.

Модернизация государства благосостояния как политика широких и решительных структурных реформ в сфере регулирования социальных трудовых отношений являлась осознанной опцией в развитых странах. Национальные государства, объединенные в классификации Г.Эспинг-Андерсена в специфические «режимы», искали пути и создавали программы действий для того, чтобы придать своим институциональным комплексам новую функциональную логику. Доминирующая либеральная идеология обозначила общий контекст этого процесса: реформы направлялись на повышение эффективности хозяйства, борьбу с безработицей, смещение зависимого от государства трудоспособного населения в рынок труда, преодоление бедности и новых форм неравенств внутри социальных слоев. В новых социально-экономических условиях социальная безопасность трудящихся означала создание универсальной системы социального обеспечения, связывающей риски и ресурсы всех граждан, учитывающей большее число интересов и позволяющей оперативно реагировать на острые общественные запросы. Конвергентные тенденции в стратегическом видении будущей композиции государства благосостояния постепенно расшатали исторически сложившиеся, «зависимые» варианты развития. Наибольшей модификации подверглась «консервативная модель» регулирования сферы социально-трудовых отношений, защищающая профессиональное состояние и мало связанная с потребностями постиндустриального хозяйства и общества.

Россия, включенная в мировые экономические и социальные взаимосвязи, реализует свой модернизаторский социальный проект. Инновации в социальной сфере, осуществляемые с 2000 г., характеризуются как феномен незавершенных реформ. Либеральная политика проводится без должного учета и оценки положения на рынке труда и в системе занятости, не изжито недоверие населения к действиям государства, которые еще во многом противоречат ожиданиям граждан. Ориентация на использование сырьевых ресурсов, противоречивая политика по огосударствлению и приватизации, экстенсивный путь потребления трудовых резервов требуют конструктивных изменений. На этом основании изучение усилий по модернизации регулирования социально-трудовой сферы в развитых странах, исследование влияний реорганизованной системы на распределение социальных прав и дифференциацию жизненных шансов населения в условиях открытой и нестабильной экономики является актуальной проблемой и перспективной научно-практической темой. Сложные перипетии модернизации немецкого «консервативного государства благосостояния» в социально-трудовой сфере, находящегося в активной стадии реализации социальных реформ, интересны с точки зрения выработки оптимальных предложений и рекомендаций по формированию целенаправленной государственной интервенции в социально-трудовой сфере в нашей стране.

Степень научной разработанности проблемы. Попытки объяснить генезис и варианты развития современного государства благосостояния породили школы в теоретическом анализе феномена. Благодаря работам К. Пирсона, Ф. Кастлеса¹, М. Шмидта², А. Ауста, С. Лейтнера и С. Лессениха³ мы знаем о двух генеральных линиях, развитых в социологии, – *нормативном* и *позитивистском* дискурсах.

Ведущие нормативные идеи «государства благосостояния» – солидарность, свобода, равенство и справедливость – оцениваются в работах Дж. Ролза⁴, А. Этциони⁵, Л. Лейзеринга⁶, Д. Дёринга, Ф. Нульмайера, Р. Пиоха, Г. Вобрубы.⁷ Кризисные проявления государства благосостояния в нормативных теориях объясняются перманентной эрозией государственных норм, которые постепенно заменяются иными, интерпретируемыми как

¹ Pierson, C., Castles, F. (Hg.). The Welfare State. A Reader. Cambridge, 2001.

² Schmidt, M.G. Ursachen und Folgen wohlfahrtsstaatlicher Politik: Ein internationaler Vergleich /M.G. Schmidt (Hg.). Wohlfahrtsstaatliche Politik. Institutionen, politischer Prozess und Leistungsprofil. Opladen, 2001. S. 33-53.

³ Aust, A., Leitner, S., Lessenich, S. Sozialmodell Europa: Konturen eines Phänomens. Jahrbuch für Europa- und Nordamerikastudien 4. Opladen, 2000.

⁴ Ролз, Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1995.

⁵ Etzioni, A. Die Verantwortungsgesellschaft: Individualismus und Moral in der heutigen Demokratie. Frankfurt a. M., 1997; Этциони, А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе / В.Л. Иноземцев (ред.). Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С.309-337.

⁶ Например: Leisering, L. Wohlfahrtsstaatliche Dynamik als Wertproblem /K.Gabriel, A. Herlth, K. Strohmeier (Hg.). Modernität und Solidarität. Festschrift für Franz-Xaver Kaufmann. Freiburg: Herder, 1997. S. 251-273.

⁷ Döring, D., Nullmeier, F., Pioch, R., Vobruba, G. (Hg.). Gerechtigkeit im Wohlfahrtsstaat. Marburg: Schüren, 1995

новые или как «квазиновые».¹ Изменение ценностей или изменение дискурса о ценностях влияет на идеологии и партийные программы, которые, в свою очередь, приводят в действие механизм институциональных изменений государства благосостояния.

Позитивистское исследование причин возникновения и развития государства благосостояния не однородно и подразделяется на варианты.

В *функциональной теории* его происхождение рассматривается как реакция на изменение трудовых и жизненных форм в процессе индустриального развития. Государственная экспансия характеризуется как «глобально беспристрастная» относительно хозяйственного развития и политики, что должно способствовать конвергенции национальных систем и «концу идеологии».²

В теории модернизации, считающейся частью функционального анализа, внимание уделяется структурным социоэкономическим проблемам, повлиявшим на развитие государства благосостояния. В последнее время авторы часто добавляют к числу причин политические и культурные факторы. В трудах обобщающего характера П. Флоры³, Ю. Альбера⁴, В. Запфа⁵ оцениваются такие неспецифические процессы, как демократизация, бюрократизация, секуляризация и интернационализация, что привело к возникновению многогранного контекстного анализа государства благосостояния. Структурные изменения хозяйства в 1970-е гг. стали причиной и прологом развития дискурса о новом экономическом и социальном стандарте, созданию которого препятствовали традиционные структуры государства благосостояния с их высокими социальными расходами, ценой на труд и самой экспансионистской политикой государства, неспособной решать проблемы и поэтому не заслуживающей доверия.⁶ Авторы теории модернизации пытались придать модели «государства благосостояния» новый облик, что отразилось, например, в популярной ныне доктрине «третьего пути», в которой государству приписываются задачи по инклюзии индивидов.⁷

Конфликтологический анализ в форме теории властного ресурса определяет в качестве движущей силы развития государства благосостояния «левые партии», продолжительное время удерживающие власть (Г.Эспинг-Андерсен⁸). Частично эти объяснения используются для обоснования вывода о наличии альтернативных способов защиты и поддержки граждан в США и

¹ Bourdieu, P. *Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstands gegen neoliberale Invasion*. Konstanz: UVK, 1998; Nullmeier, F., Vobruba, G. *Gerechtigkeit im sozialpolitischen Diskurs* /D.Döring, F. Nullmeier, R.Pioch, G. Vobruba (Hg.). *Gerechtigkeit im Wohlfahrtsstaat*. Marburg: Schüren, 1995.

² Wilensky, H. L. *The Welfare State and Equality. Structural and Ideological Roots of Public Expenditures*. Berkeley, 1975.

³ Flora, P. Heidenheimer, A. *Modernization, Democratization, and the Development of Welfare State in Western Europe* / P. Flora, A. Heidenheimer (Hg.). *The Development of Welfare States in Europe and America*. New Brunswick: Transaction, 1981. P. 37-80.

⁴ Alber, J. *Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat*. Frankfurt am Main: Campus, 1982.

⁵ Zapf, W (Hg.). *Theorien des sozialen Wandels*. Köln, 1970.

⁶ Kaufmann, F.-X. *Sozialpolitik und Sozialstaat: Soziologische Analysen*. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.

⁷ Giddens A. *Der dritte Weg. Die Erneuerung der sozialen Demokratie*. Frankfurt am Main: SuhrkampVerlag, 1999.

⁸ Esping-Andersen. G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. London: Polity Press, 1990.

Японии¹, в которых само существование левых партий ставится под вопрос. Правда, массивная критика государства благосостояния в 1970-80-е гг. сильно поколебала позиции теории властного ресурса. Состояние поборников «левых» взглядов сравнивается с получением «теплового удара»: социал-демократы не смогли своими действиями (во власти и за ее пределами) опровергнуть тезис Р.Дарендорфа о «конце социал-демократического столетия».² В сложном положении находятся профсоюзы и другие влиятельные социальные институты (например, церкви), стремительно теряющие свое влияние среди населения.³

Марксистская точка зрения на происхождение и развитие «государства благосостояния» согласуется с положениями функционального и конфликтологического анализов. Развитие социальной политики связывается с наличием функций, поддерживающих социальную репродукцию капиталистического общества и, прежде всего, сглаживание конфликта между трудом и капиталом (К.Оффе).⁴ Однако государству благосостояния выставляется диагноз патологии. Для поддержания баланса сил требуется все больше средств и увеличение государственных программ помощи. Это неизбежно приводит к осложнениям внутри капиталистической формации.⁵ Согласно взглядам Ю.Хабермаса, главной причиной кризиса государства благосостояния в 1970-е гг. стала потеря «культурной поддержки». На этом основании считается, что целью современного развития должно стать «освобождение [государства благосостояния] от собственных завихрений». Это поможет изменить политический курс и свернуть с дороги укрощения капиталистической экономики в сторону обуздания самого себя. Только так коммуникативное действие в социальных сообществах может освободиться от «институционально образованного контекста».⁶ Неомарксисты убеждены, что классическая политика парализована, она не может произвести изменений. Революционные институциональные перемены должны производиться не властными инстанциями интервенционистского государства, а самим обществом.⁷

Институциональный анализ включает классификационные концепции, в которых государство благосостояния телеологически ориентировано в смысле аристотелевского представления о том, что каждый естественный феномен мира имеет имманентную внутреннюю актуальную цель, целевую причину, которая является источником движения от низших форм к высшим. Т. Маршалл⁸ объяснял превращение государства в государство благосостояния через эволюцию трех ступеней прав: гражданских

¹ Kaufmann, F.-X. Sozialpolitik und Sozialstaat: soziologische Analysen. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.

² Dahrendorf, R. Das Elend der Sozialdemokratie //Merkur. 41 (12)/1987. S. 1021-1038.

³ Lütz, S., Czada, R. (Hg.). Wohlfahrtsstaat – Transformation und Perspektiven. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.

⁴ Offe, C. Arbeitsgesellschaft: Strukturprobleme und Zukunftsperspektiven. Frankfurt/New York: Campus, 1984.

⁵ O'Connor, J. Die Finanzkrise des Staates. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974.

⁶ Хабермас, Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии /Ю. Хабермас. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 157.

⁷ Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁸ Marshall T. H., Bottomore T. Citizenship and Social Class. London: Pluto Press, 1992.

(конституционных), политических (демократических) и, наконец, социальных прав (государство благосостояния). Н. Фернисс и Т. Тилтон¹ считали его эволюцию процессом изменения государственных задач от обеспечения социальной безопасности до построения «общества социального равенства».

В иных институциональных направлениях, например, теориях «эффектов обратной связи» и «зависимого пути», развитие государства благосостояния представлено в виде исторической и структурной преемственности политических институтов.² В международном сравнении история государств благосостояния также рассматривается как процесс диффузии политических концепций или как «коллективный опыт» и акцентируется, например, использование в национальных решениях опыта «близких по духу» зарубежных стран.³

Теория «зависимого пути» в последнее время сделала быструю карьеру, хотя ее название часто не соответствует истине. Работы, написанные в этом духе, содержат анализ рутинного развития национальных государств благосостояния, которые мало связаны с внешними влияниями. Альтернативой данному направлению исследований являются концепции о международной диффузии и конвергенции государств благосостояния, в которых рассматривается некая чрезвычайная ситуация, требующая инноваций (например, мировые войны).⁴ Ф. Кастлес в работе «Семьи наций» попытался скомбинировать опыт обеих теорий.⁵

Авторы *феминистских и гендерных работ* предлагают новый взгляд на типологию государства благосостояния с учетом проблем общественной репродукции⁶ и фундаментальной роли семьи как классического места борьбы с жизненными рисками.⁷

Заостренность государства благосостояния на разрешении сложных проблем общественного труда отразилась в предмете его социологического анализа. Классики – К.Маркс, М.Вебер, Э. Дюркгейм, описывают рынок труда как взаимодействие между спросом на труд и предложением труда. Поскольку в современной социологии рынок труда представлен в виде инстанции по разделению социальных позиций, шансов и общественных статусов, а также арены по производству общественной идентичности и неравенства,⁸ и, согласно взглядам Н. Лумана,⁹ работа воспринимается как

---

¹ Furniss, N., Tilton, T. The case for the welfare state: from social security to social equality. Bloomington, 1977.

² Schmidt, M.G. Sozialpolitik. Opladen (2.Aufl.), 1998.

³ Hall, P.A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State // Comparative Politics. 25/1993. P. 275-296.

⁴ Seeleib-Kaiser, M. Globalisierung, Sozialpolitik und Solidarität/ U. Filipic (Hg.) Neoliberalismus und Globalisierung Herausforderungen für Sozialpolitik und Demokratie. Dokumentation der Tagung „Neoliberalismus und Globalisierung: Auseinandersetzungen – Herausforderungen“, AK-Bildungszentrum Wien, 6. Juni 2005. S. 27-40.

⁵ Castles, F.G. Families of Nations. Aldershot: Dartmouth, 1993.

⁶ Lewis, J., Ostner, I. Gender and the Evolution of European Social Policies. Bremen: Zentrum für Sozialpolitik. Arbeitspaper 4/1994.

⁷ Sainsbury, D. Gender and Welfare State Regimes. Oxford, 1999.

⁸ Daheim, H., Schönbauer, G. Soziologie der Arbeitsgesellschaft. Grundzüge und Wandlungstendenzen der Erwerbsarbeit. München: Juventa, 1993.

⁹ Luhmann, N. Die Politik der Gesellschaft. Op.cit.; Luhmann, N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München, Wien: Olzog, 1981.

влиятельный фактор общественной интеграции (в противном случае повышаются риски эксклюзии и возникает бедность и/или депривация), со временем возрастает желание исследователей анализировать социальные реформы в сфере регулирования социально-трудовых отношений, политики доходов. Авторы уделяют внимание их концептуальному обоснованию, институциональному оформлению и произведенным эффектам в социальных отношениях.¹

Инновационные возможности предлагает эвалюация² как вариант прикладного исследования социальных реформ. В Германии, в начале 1990-х гг., она применялась для анализа макроэффектов политики (исследовалось число участников государственных мероприятий или интегрированных в рынок труда лиц) и на этом основании выводились (часто иллюзорно) позитивные итоги развития. В конце 1990-х гг. социологи, экспериментируя с созданием «контрольных групп», в краткосрочной перспективе признавали масштабные отрицательные эффекты предпринимаемых государством мер. Современные реформы немецкого социального государства создали условия для развития «третьей волны» эвалюации, позволяющей выдвигать специфические аналитические предложения для их использования в управленческом процессе.³

В социологической науке России происходит теоретическое осмысление социальных процессов в их взаимосвязи с социальной политикой. *Во-первых*, активно изучаются общемировые и отечественные тенденции трансформационных процессов, представленных в материалах симпозиумов «Всероссийский социологический конгресс», «Куда идет Россия?», «Россия реформирующаяся» и др.⁴ В рамках этих дискуссий подчеркивается роль социальной политики⁵ и обсуждается вопрос о выборе оптимального пути социального развития в России. Следует отметить, что большинство исследователей излишне оптимистично оценивают свойства «консервативной модели» государства благосостояния.⁶ На наш взгляд, этот «режим» в современном мире утрачивает свое функциональное назначение,

¹ В немецкой литературе опубликовано множество работ о реформах в регулировании социально-трудовой сферы. См. Список используемой литературы.

² "Valuere" (лат.) – оценка. Научная эвалюация преимущественно нацелена на систематическое описание и анализ продуктов и результатов жизнедеятельности институтов и процессов.

³ Schmid, G. Evaluation der Arbeitsmarktpolitik – Ein Schritt vor und zwei zurück? //WSI Mitteilungen. 3/2007. S.106.

⁴ «Всероссийский социологический конгресс» /Материалы всероссийских социологических конгрессов (2000-2008 гг.); «Куда идет Россия?» /Материалы международного симпозиума Московской высшей школы социальных и экономических наук. Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1994-2002; «Россия реформирующаяся»/Материалы исследования Института социологии РАН. Под. Ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002-2007.

⁵ См. например: Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Горюнова С. В. Роль социальной политики в повышении конкурентоспособности России на международной арене //Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. Под ред. М.К. Горшкова. М., 2008. С. 8-26; Люблинский В.В. Модернизация в социальной сфере: тенденции социальной политики в эпоху глобализации //Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. Указ.соч. С. 136-166; Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ//Социологические исследования, 2008. №12.

⁶ Например: Константинова, Л.В. Формирование социальной политики как социетальной системы/ Дис. ...д-ра социол. наук. Саратов, 2005; Римашевская, Н.М. Базисные принципы социальной доктрины России // "Народонаселение", 2005 г., № 2, 3; Яacobсон, Л.И. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

что дает основание для критического анализа изменений, происходящих в нем и отражающихся, в первую очередь, в сфере социально-трудовых отношений.

Во-вторых, существует запрос на системное видение и обобщение коллективного опыта социальной политики, ее нормативных категорий, представленный работами В.Аргуновой, Ф.Бурджалова, Н.Волгина, И.Григорьевой, В.Жукова, Л.Константиновой, П. Романова, Т.Сидориной, С.Смирнова, О.Шкаратана, Л. Якобсона, В.Ярской, Е. Ярской-Смирновой,¹ который может быть дополнен изучением профиля современной интервенционистской политики государства благосостояния в сфере социально-трудовых отношений.

В-третьих, в литературе, в которой анализируются отдельные аспекты «политики благосостояния» или части институциональной структуры государства благосостояния,² вне поля зрения остается проблема комплексного видения тенденций институциональных и инструментальных изменений, оказывающих серьезное влияние на распределение бедности, неравенства, жизненных шансов в условиях либерализации и глобализации хозяйственной жизни, кризисных проявлений в экономике.

В-четвертых, социологическое исследование вопросов трансформации социального пространства труда³ не содержит анализа проблем реализации социальных реформ в области регулирования социально-трудовых отношений как существенной сфере социальной безопасности и важнейшем механизме социальной интеграции индивидов. Вышеизложенные соображения послужили основанием для проведения автором социологического анализа проблемы модернизации «консервативного режима» государственной интервенции в социально-трудовой сфере.

Объектом исследования в диссертационной работе выступает процесс модернизации «консервативной модели» государственного регулирования сферы социально-трудовых отношений, а **предметом** – выявление тенденций и социальных последствий целенаправленного реформирования «консервативного государства благосостояния» в сфере социально-трудовых отношений.

¹ См. например: Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново, 2004; Бурджалов Ф., и др. Типы социальной политики: концепция и практика // Общество и экономика. 1997. №1-2; Социальная политика. Под общ. ред. Н.А.Волгина. М., 2002; Григорьева И.А. Человек в социальном государстве: согласование интересов. – СПб., 2002; Григорьева, И.А. Возможности реформирования социальной защиты «по немецкому образцу» в современной России // Мир России. 2006. № 4; Социальная политика: парадигмы и приоритеты. Под общ.ред. В.И.Жукова. М., 2000; Константинова Л.В. Социальная политика: концепция и реальность: Опыт социологической рефлексии. Саратов, 2004; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики //Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т.7. № 2.; Сидорина Т.Ю., Смирнов С.Н. Социальная политика. М., 2004; Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005; Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств /Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2003; Якобсон, Л.И. Социальная политика: попечительство или солидарность? //Общественные науки и современность. 2008. № 1.

² См.например: Лебедева, Л.Ф. США: государство и социальное обеспечение. Механизм регулирования. М., 2000; Хижный, Э. Государственная система социальной защиты граждан в странах Западной Европы. М., 2006; Глобализация и социальная политика развитых стран /Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2008.

³ Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005; Левичева, В.Ф. Комментарий эксперта // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 140-143.

Цель исследования заключается в социологическом анализе процесса и итогов реализации социальных реформ в сфере регулирования социально-трудовых отношений в «консервативном государстве благосостояния».

Основными задачами диссертационного исследования являются:

1. Анализ социологических теоретико-прикладных исследований об эволюции и кризисе «государства благосостояния».
2. Выделение причин модернизации государств благосостояния в странах ОЭСР в социально-трудовой сфере.
3. Обзор и анализ ведущих альтернативных предложений социальных реформ в интеллектуальном и политическом дискурсе в западных странах.
4. Выявление современных качественных изменений в «политике благосостояния» и количественных итогов модернизации государства благосостояния в сфере социально-трудовых отношений.
5. Построение аналитической модели регулирования социально-трудовых отношений в Германии и анализ функциональных сбоев в социальной защите трудящихся в дореформенное время.
6. Систематизация немецких научно-практических дискуссий к. 90-х гг. XX в. – н. XXI в. о концепциях и способах перестройки государства благосостояния в социально-трудовой сфере.
7. Реконструкция процесса реформирования «консервативного государства благосостояния» в Германии (анализ институциональных и организационных изменений в политике регулирования рынка труда и занятости) в 2003-2005 гг.
8. Структурирование коллективных экспертных оценок немецких ученых – экспертов в области социально-трудовых отношений о социальных изменениях в Германии на основании многомерного контент-анализа данных групповых дискуссий.
9. Анализ социальных последствий модернизации консервативного «государства благосостояния» в Германии.

Теоретико-методологическая основа исследования. Комплексность феномена «консервативного государства благосостояния» обусловила системный и междисциплинарный характер диссертационного исследования. В работе использованы отраслевые социологические знания исторической социологии, социологии социальных процессов и изменений, экономической социологии и социологии управления. Примененная в диссертационном исследовании классификация государств благосостояния соответствуют типологии «миров капитализма» Г. Эспинг-Андерсена:

- «консервативная модель» (прототип – Германия);
- «либеральная» модель (прототип – США);
- «социал-демократическую модель» (прототип – Швеция).

Базовая дилемма при изучении модернизации заключается в противоречивости изменений, происходящих в обществе, и, соответственно, во множестве сопровождающих их аналитических перспектив. В

современной социологической теории выделяются принципы изменений, которые интерпретируются в качестве «мотора модернизации». Мы опираемся на четыре ведущие альтернативы, исследованные классическими и современными зарубежными социологами, в которых модернизация рассматривается как углубление процесса одомашнивания (К.Маркс), рационализации (М. Вебер, Ю.Хабермас, Й. Шумпетер), дифференциации (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Луман) и индивидуализации (Г.Зиммель, Н.Элиас, У.Бек, М.Фуко).

Согласно выводам теории модернизации (Ю. Альбер, В. Запф, П. Флора, Р.Хейнце, Дж. Шмид, Х. Штрюнк) «кризис государства благосостояния» представлен в работе в виде реакции на структурные общественные проблемы, а реформы должны были приспособить традиционные структуры государства благосостояния к новым условиям. Но в этом процессе возникли «революционные» изменения, которые стали незапланированными итогами модернизации: с одной стороны, эродировала «консервативная модель», а с другой стороны, усилилась конвергенция государств благосостояния в пространстве ОЭСР.

Исследование «Новой политики реформ» в диссертационной работе сопрягается с влияниями, которые она оказала на другие элементы общественной системы (теория «эффектов обратной связи» в обработке М.Шмидта). Используя идеи институциональной теории развития «по зависимому пути» (Р.Вейнерт, Р. Кзада, С.Лютц, В.Шрёдер), реконструируется процесс организационных и общественных изменений в немецком государстве благосостояния. В работе признаются суждения о том, что использование в процессе реформ «лучших практик» способствовало появлению в национально-государственном пространстве резистентных (несовместимых) институтов (Е. Клеменс, М.Шнейберг).

Эмпирические методы исследования включают, во-первых, вторичный анализ данных социологических исследований, докладов эвалюации и массивов статистики. Во-вторых, использован экспериментальный способ проведения качественного прикладного исследования – групповые дискуссии с немецкими учеными–экспертами в области социально-трудовых отношений, для сохранения максимального объема концептуального наполнения коллективных экспертных мнений, необходимых для исследования феномена. Многомерный анализ данных групповых дискуссий, проведенных автором в Германии в ноябре – декабре 2007 года, осуществлен в лицензированной программе «Lekta», созданной при Нижегородском государственном университете, а также в пакетах «Excel» и «Statistica».

Эмпирическая база исследования. Средствами вторичного анализа статистических баз данных, международных исследований в области Benchmarking и итогов эвалюации оценивались качественные и количественные тренды в развитии государств благосостояния и основные изменения в «консервативном государстве благосостояния» в 2002-2007 гг.

Информация собрана из следующих источников:

- *опубликованная статистика* ОЭСР, Евросоюза, Статистического федерального совета Германии,¹ статистика Федерального агентства по труду (ежегодные и ежемесячные отчеты);²
- *данные социологических исследований* (результаты обработки микроцены,³ результаты экспертиз независимых исследовательских организаций,⁴ таблицы и графики сайта университета Дуйсбург-Эссен о развитии социальной политики в Германии,⁵ обследования социоэкономической панели, данные всеобщих опросов населения);⁶
- *аналитические отчеты* (специализированные доклады о рынке труда Федерального правительства,⁷ сведения Института исследования рынка труда,⁸ международные исследования в области Benchmarking, доклады официальной эвалюации);⁹
- *официальные (политические) документы* немецкого правительства, концептуальная программа социал-демократической партии «Мужество для изменений», программа социального развития в Германии «Агенда-2010», экспертные оценки немецких ученых о модернизации в Германии.¹⁰

Во время научной стажировки в Германии (сентябрь – декабрь 2007 года) автор провел четыре раунда дискуссий:

- с экспертной группой сотрудников Института труда и квалификации (Institut Arbeit und Qualifikation, Gelsenkirchen) под руководством д-ра М. Кнутча;
- экспертной группой сотрудников Института хозяйственных и социальных исследований (Wirtschafts- und Sozialwissenschaftliche Institut (WSI) der Hans-Böckler-Stiftung, Düsseldorf) при участии д-ра С. Ботфельд, д-ра Ю. Ауст, д-ра Т. Мюллера-Шёлля, К. Богедан;

¹ Die OECD in Zahlen und Fakten 2006: Wirtschaft, Umwelt, Gesellschaft. Sonderthema: Globalisierung der Wirtschaft. OECD Factbook, Paris 2006; „Luxembourg Income Study“//www.lis.ceps.lu/ineqtabel.htm; Eurostat-Statistik Kurzgefasst. 11/2000; и др.

² Statistisches Bundesamt: Statistisches Jahrbuch 2005, 2006, 2007; Statistisches Bundesamt (Inlandskonzept); Monatsbericht Oktober 2007; и др.

³ Микроцenz (Mikrozensus) – ежегодная случайная выборка служебной статистики, охватывающая 1% населения. Данные микроцены собирает и публикует Статистический федеральный совет. Statistische Bundesamt: GESIS-ZUMA Abt. Soziale Indikatoren. II, III Teile.

⁴ WSI Mitteilungen. Monatszeitschrift des Wirtschafts- und Sozialwissenschaftlichen Instituts in der Hans-Boeckler-Stiftung. Schwerpunktheft: Arbeitsmarktpolitik nach Hartz-Probleme und Perspektiven. Bund-Verlag. Juni 2007. 60. Jahrgang; и др.

⁵ www.Sozialpolitik-aktuell.de

⁶ SOEPmonitor Personen 2006; Allgemeine Bevölkerungsumfrage (Allbus) и др.

⁷ Bundesregierung 2006: Die Wirksamkeit moderner Dienstleistungen am Arbeitsmarkt. Bericht 2005 der Bundesregierung zur Wirkung der Umsetzung der Vorschläge der Kommission Moderne Dienstleistungen am Arbeitsmarkt. Berlin, 2006; и др.

⁸ Allmendinger, J., Eichhorst, W., Walwei, U. (Hg.). IAB Handbuch Arbeitsmarkt: Analysen, Daten, Fakten. Frankfurt, New York: Campus, 2005; и др.

⁹ Benchmarking Deutschland: Arbeitsmarkt und Beschäftigung. Bericht der Arbeitsgruppe Benchmarking und der Bertelsmann Stiftung. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2001; и др.

¹⁰ Moderne Dienstleistungen am Arbeitsmarkt – Vorschläge der Kommission zum Abbau der Arbeitslosigkeit und zur Umstrukturierung der Bundesanstalt für Arbeit. Berlin, 2002; Sozialdemokratische Partei Deutschlands (Hg.). Agenda 2010 – Mut zur Veränderung. Berlin, 2003; и др.

- экспертной группой сотрудников Исследовательской организации по изучению рынка труда (FIA Forschungsteam Internationaler Arbeitsmarkt GmbH (Berlin) под руководством д-ра А. Вагнер;
- экспертной группой ученых университета Дуйсбург-Эссен (Uni. Duisburg-Essen, Essen) под руководством проф. У. Кламмер.

Всего было опрошено 19 человек. Общее время дискуссий в группах составило 12 часов.

Научная новизна исследования:

1. Впервые в отечественной социологии систематизированы основные концепции социологического анализа государства благосостояния и его кризиса.
2. Представлена авторская трактовка причин модернизации государств благосостояния в области социально-трудовых отношений в странах ОЭСР.
3. Определены количественные и качественные итоги модернизации государств благосостояния в области социально-трудовых отношений.
4. Предложена авторская аналитическая модель регулирования социально-трудовых отношений в «консервативном государстве благосостояния».
5. Реконструирован процесс институциональных и организационных реформ в немецком государстве благосостояния в 2003-2005 гг.
6. На основании многомерного контент-анализа данных групповых дискуссий структурированы коллективные экспертные оценки немецких ученых-экспертов о социальных изменениях в Германии в 2002-2007 гг.
7. Проведен анализ социальных последствий модернизации «консервативного государства благосостояния» в Германии в основных областях жизнедеятельности населения.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Автором предлагается следующая систематизация социологического анализа государства благосостояния. Во-первых, исследование возникновения и развития «государства благосостояния» в западной социологии породило *школы теоретико-прикладного анализа феномена*:
  - в нормативной традиции исследуются социальные постулаты и ценности (справедливость, равенство, солидарность), цели «больших идеологий» (либерализм, консерватизм и социал-демократия) и их способность приводить в действие механизмы институциональных изменений государства благосостояния;
  - позитивистский дискурс вариативен, он включает функциональные, конфликтологические, институциональные, гендерные и культурологические концепции объяснений происхождения и развития государства благосостояния. Обобщение научных выводов позволяет указать на его структурную взаимосвязь с рыночным хозяйством и демократическим порядком, нацеленность на гарантии социальных прав и разрешение комплексных проблем общественного труда.

Во-вторых, изучение общих и особенных свойств отдельных государств благосостояния *в компаративистике* привело к созданию моделей или режимов государства благосостояния и исследованию их конвергентных и дивергентных тенденций. Конвергентное развитие стран ОЭСР привело к сближению объемов социальных расходов, созданию специфической институциональной и организационной среды, международных координационных центров и использованию общих социальных практик. Факторами развития стран по «зависимому сценарию» (дивергентные тенденции) являются специфически-национальные цели и исторически выросшие институты государства благосостояния.

В-третьих, включение *научной эвалюации* в социологический анализ государства благосостояния и использование экспертных рекомендаций в практике социального управления усилило позитивные эффекты государственного регулирования общественных отношений в странах ОЭСР.

Массивная критика государства благосостояния в 1970-е гг. направлялась на анализ функциональных сбоев в его механизме и содержала предложения реформ. Автором выделяется три ключевых варианта концепций «кризиса государства благосостояния» в социологии: неэффективность государства благосостояния в решении социальных проблем, перманентное «устаревание» его институциональной и инструментальной композиции и обвинения государства благосостояния в возникновении/обострении общественных проблем.

2. В диссертационной работе охарактеризованы тренды общественной модернизации и следствия активности государства благосостояния. Оба процесса породили негативные синергетические эффекты (проблемы) в области социально-трудовых отношений. Автором выделены следующие причины реформирования государства благосостояния: ресурсные, экономические, финансовые, изменения в структуре трудовых отношений, нормативные, технические и технологические, демографические, политические, гендерные и социальные.

3. Автором определены качественные и количественные итоги модернизации государства благосостояния в странах ОЭСР в 1980-90-х гг. *К качественным изменениям в политике благосостояния относим:*

- возникновение новой или квазиновой риторики и лексики государства благосостояния («самообеспечение», «активизация», «инклюзия», «новая субсидиарность», «инвестиционная политика услуг» и пр.) в условиях постиндустриального хозяйства и общества;
- ослабление влияния профсоюзов и союзов работодателей;
- усиление «третьего сектора» и международных экспертных структур в принятии политических решений;
- сокращение роли государства в производстве коллективного благосостояния и смещение механизма создания социальных услуг на регионально-локальный уровень частно-публичной сферы;

- усиление научного трансферта в области стандартизации благосостояния и продвижение продукции транснациональных организаций («лучших практик»);
- отмена бюрократических принципов и методов управления и формирование концепции «активного управления»; переадресование госпрограмм «новым группам клиентов» (трудящимся с низкими доходами, семьям с детьми и пр.) и выпуск «инвестиционных продуктов», связанных с развитием социального капитала и трудовых ресурсов.

Количественные итоги включают:

- сокращение программ «пассивного» социального обеспечения трудоспособных лиц;
- размывание прогрессии подоходного налогообложения;
- снижение издержек на труд и поиск новых источников государственных доходов;
- демонтаж/смягчение тарифной системы назначения заработных плат; повышение предложения стимулирующих занятий услуг (служебных, инфраструктурных, инвестиционных);
- дотирование/налоговая амнистия малоимущей занятости;
- принудительное стимулирование труда через систему пособий по безработице/социальной помощи и их бюджетное финансирование.

Данные изменения обусловили большую зависимость динамики социальных расходов от ситуации в хозяйстве и на рынке труда. Сокращение безработицы и прирост занятости в референтных странах ОЭСР сопровождались увеличением слоя трудящихся с низкими зарплатами, социальным расслоением и ростом относительной бедности по доходам.

4. Социально-политическое регулирование сферы социально-трудовых отношений в Германии не претерпело изменений в 1980-90-е гг., хотя оно производило контрпродуктивные эффекты на рынке труда и в системе занятости. Разработанная автором аналитическая «консервативная модель» включает:

- ориентацию на «нормальные трудовые отношения» (наемный труд за заработную плату с нормированным графиком, временем труда и с обязательствами по выплате страховых взносов), значение которых быстро сокращалось;
- текущее трудовое право (жесткая защита от увольнений, судебная практика), снижающее спрос на рабочие руки;
- структуру оплаты труда с обязательными элементами социального воспроизводства (тарифно-договорная оплата труда; страховые взносы, расходы на производственную социальную политику), повышающую издержки на труд и создающую предпосылки для развития нелегального хозяйства;
- сильную гендерно-специфическую зависимость от «модели семьи с одним кормильцем», модифицирующую занятость (предложение мужского, менее гибкого по цене и качеству труда);

- услуги социального страхования, ориентированные на эквивалентные обязательства по выплате страховых взносов, усиливающие эксклюзивность трудящихся, занятых в атипичных формах труда или получающих низкие доходы;
- неограниченные по времени услуги социальной помощи, деактивирующие трудовые стимулы и превращающие безработицу в застойное явление;
- активную политику в социально-трудовой сфере, проводимую только во время неблагоприятной конъюнктуры и исключавшую из участия лиц, состоявших в «затруднительных трудовых отношениях».

5. Реконструированный в диссертационной работе процесс социальных реформ в сфере регулирования социально-трудовых отношений в Германии показал, что этой модернизации присущ «опаздывающий» стиль. Немецкая политика на рынке труда» 2003-2005 гг. являлась движением в трехмерном пространстве:

- в политике официальными целями реформ стали либерализация хозяйства, сокращение государственных гарантий в области социального обеспечения, снижение безработицы и активизация трудовых стимулов населения;
- наукой и общественностью отстаивалась идея создания «модели инклюзии», предполагающей усиление трудовой мобильности населения, поддержание доходов граждан, социально-политическую превенцию безработицы, улучшение социального капитала, налоговое финансирование социальных услуг;
- в итоге институциональные и организационные реформы были реализованы по плану «комиссии Хартца», составленном под влиянием бизнес-сообщества. Они включали:
  - усиление «принудительной» компоненты в политике занятости (рестрикции, санкции, жесткие критерии «приемлемой работы», низкое социальное пособие) и позитивное стимулирование труда («сопровождение труда», навязывание бизнесу стратегии «сохранения персонала», программы создания занятости);
  - двойственную систему социальной защиты трудоспособного населения: с одной стороны, поддержку безработных (из страховых фондов), а с другой – обеспечение бедных из средств госбюджета;
  - частичное сокращение сектора нелегальных «подработок» за счет освобождения от налогообложения низких доходов трудящихся и снижения издержек на труд работодателей.

6. Структурированные автором коллективные оценки немецких ученых–экспертов в области социально-трудовых отношений позволили следующим образом охарактеризовать социальные изменения в Германии в 2002-2007 гг.:

- социальные реформы являлись следствием экономической и политической нестабильности, распространения либерального общественного дискурса, использования опыта модернизации других стран;

- неотложные социально-экономические проблемы и общественные вызовы больше повлияли на определение целей реформ, чем на сам способ их проведения;
- давления извне, национальный политико-институциональный комплекс, фактор «времени» образовали рамочные условия перестройки и привели к развитию резистентности структур в немецком государстве благосостояния;
- в ходе реализации реформ интересы различных социальных институтов, сообществ и групп затмили «идейную» сторону прогресса и усилили позиции социальной бюрократии;
- сокращение «пассивных программ» государства благосостояния способствовало нарастанию социальных проблем – возросла бедность, сегментация граждан в борьбе за выживание, где наибольшие шансы получили люди с активной жизненной позицией;
- усиление позиций государства в социально-трудовой сфере сопровождалось углублением дифференциации клиентов социального государства, но не привело к учету индивидуализированных потребностей граждан, как планировалось в период подготовки реформ.

7. На основании авторского анализа докладов официальной эвалюации, данных независимых исследований, статистики и групповых дискуссий выделены следующие социальные последствия реформ. *В сфере труда и занятости* непрерывный спад социально застрахованной занятости дополнился развитием сегрегированного рынка труда, состоящего из лиц с низким уровнем материального обеспечения, нестабильной и часто принудительной работой. В группы риска вошли женщины, мигранты, молодежь, малоквалифицированные работники и лица предпенсионного возраста, имеющие низкие шансы на возвращение в «нормальные отношения занятости», в том числе и при помощи государственных социально-политических программ. *В области социального обеспечения* быстро увеличилось количество лиц, претендующих на государственное минимальное пособие. В их числе «надстройщики» – клиенты, суммирующие социальные пособия с недостаточными трудовыми доходами, и скапливающиеся внизу шкалы групп по доходам. Созданная система дотирования занятости позволяет работодателям перекладывать ответственность за материальное обеспечение работников на государство. Привязанные к социальным услугам санкции, рестрикции и активизирующие компоненты новой немецкой политики усиливают отток клиентов из системы социальной защиты, но не снижают бедность или страх потери работы с хорошим доходом среди трудоспособных масс. Сегрегация и дифференциация «классов» государства благосостояния увеличивает социальное неравенство в стране. *В сфере управления рынком труда* не преодолены бюрократические принципы. Новый инструментарий помощи в трудоустройстве закрепляет статусные различия между группами получателей услуг. Из-за сокращения дорогостоящих (образовательных) программ выросли «пробелы» в квалификации работников, а использование принудительных мер дестабилизирует занятость, разрушает трудовую

мотивацию работников и не приводит к их достаточному материальному обеспечению. *Изменения в структуре финансирования услуг* отразили нарастающие тенденции по «сбережению средств», а также плюрализации и секторализации полей социального управления.

Модернизация трансформировала государственный интервенционизм: профиль «социального страхования» дополняется элементами модели «минимальной помощи», а «борьба с безработицей» подменяется «войной с бедностью», свойственной «либеральному государству благосостояния».

Научная и практическая значимость результатов исследования.

Научная значимость диссертационной работы заключается в расширении поля социологических исследований процесса модернизации «консервативного государства благосостояния» в сфере социально-трудовых отношений и его социальных последствий. Автором использована и систематизирована зарубежная социологическая литература, во многом еще не известная российскому исследователю. В эмпирическую базу включены дискуссии с ведущими немецкими экспертами в области политики занятости, изучена инновационная методика сбора статистических данных и привлечены к исследованию обширные базы опубликованной статистики Германии, Европейского союза, Международной организации труда и Организации экономического сотрудничества и развития.

Практическая значимость. Результаты исследования могут служить базой для разработки предложений с учетом российской специфики совершенствования отечественной социальной политики. Полученные знания в области методики и практики эвалюации социально-трудовых отношений полезны для организации научного сопровождения российских социальных реформ. Материал диссертации может использоваться в преподавательской работе для чтения таких учебных курсов, как «социология социальных изменений», «социология труда» и «социальная политика».

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования изложены в ходе международных, российских, региональных конференций, на симпозиумах, семинарах и летних школах. В их числе: «Пожилые люди - взгляд в XXI век» (Н.Новгород, ННГУ, 1999), «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы» (Харьков, 2000); «Духовный мир человека. Проблемы и перспективы» (Н.Новгород, НКИ, 2000); «Социальная политика социального государства» (Н. Новгород, ННГУ, 2002); «Социология социальных трансформаций» (Н.Новгород, 2003); «Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты» (Н.Новгород, ННГУ, 2004); «Государственное регулирование экономики: региональный аспект» (Н.Новгород, ННГУ, 2005); «Организация в фокусе социологических исследований» (Н.Новгород, ННГУ, 2005); «Сорокинские чтения. Будущее России: стратегия развития» (Москва, 2005); «Ресурсы

социальной работы в XXI веке» (Казань, 2006); «Анализ и формирование социальной политики в России: эффективный диалог» (Москва, ВШЭ, IREX, 2007); «Ценность детей» (г. Хемниц, Германия, 2007); «Семинар проф. У Кламмер» (г. Эссен, Германия, 2007); «Семья и дети: лучшие социальные практики» (Департамент соц.защиты населения, труда и занятости Нижегородской области, 2008).

Работа над диссертационным исследованием на разных этапах поддерживалась российскими и международными научными фондами. Автором были проведены индивидуальные исследования, регулярные консультации с российскими и зарубежными коллегами, разработаны учебные курсы, программы и методические комплексы:

- годовая стажировка в ФРГ по программе Немецкой службы академических обменов (Фридрих-Вильгельм Университет, г. Бонн, 1998-1999 гг.);
- научная стажировка в университете г. Эссен (Германия) в рамках Инновационного проекта развития образования Национального фонда подготовки кадров Международного банка реконструкции и развития (март 2001 г., ноябрь 2002 г.);
- разработка программы курсов и подготовка учебных пособий: «Социальная политика за рубежом», «Международный опыт социальной работы», в рамках Инновационного проекта развития образования НФПК МБРР (2002-2003 гг.);
- грант на индивидуальное исследование по совместной программе «И. Кант» Немецкой службы академических обменов (ДААД) и Рособразования (сентябрь – декабрь 2007 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 29 научных публикациях общим объемом 30 п.л., в том числе одной монографии объемом 14,2 п.л. и 8 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Основные положения диссертационной работы апробированы автором в учебных курсах для студентов факультета социальных наук Нижегородского государственного университета: «Социальная политика», «Международный опыт социальной работы», «Теория и практика социальной работы».

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение, трех приложений и библиографического списка. В тексте работы представлено 29 таблиц (без приложения), 6 схем, 2 графика.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются объект, предмет, цель, задачи, методология и эмпирическая база исследования, его научная новизна, положения, выносимые на защиту,

научная и практическая значимость, представлена степень апробации результатов работы.

Первая глава «Социологический анализ эволюции и кризиса государства благосостояния» посвящена актуализации новой автономной отрасли научного знания «социологии государства благосостояния».

В параграфе 1.1. – «Развитие теоретических представлений о государстве благосостояния в социологии» – систематизируется вклад социологов в проблематизируемый объект.¹ На первом этапе в основном осуществлялось пассивное наблюдение за общественными изменениями (Т. Маршалл, Т. Парсонс, Г. Виленски, К. Полян, П. Флора). В классических работах вычленялись специфические цели и функции новой формы государственной интервенции и структуры процесса принятия решений (персонал, программы, правила), солидарные институты. Во второй половине XX столетия проявилась заинтересованность в активном поиске способов разрешения социальных проблем (Н. Луман, К. Оффе, Х.-К. Кауфман, П. Пирзон). Авторы акцентировали взаимоисключающие последствия в развитии государства благосостояния: с одной стороны, увеличение равенства, качества жизни граждан, а с другой стороны, институциональный и функциональный примат государства благосостояния деформирует логику общественного прогресса и создает/обостряет социальные проблемы. Включение теории эволюции в социологический анализ многократно усиливает позитивные эффекты социального управления и одновременно указывают на отказ ученых от намерения выдвигать теории, позволяющие глобально дирижировать общественными процессами. Таким образом, с течением времени менялись не только методологические способы и приемы оценки феномена, но и область приложения знаний.

В компаративных исследованиях либо констатируется конвергентное развитие (Р. Титмус, Й. Альбер, А. Хигс, Г. Эспинг-Андерсен), либо подтверждаются различия между «типами» государства благосостояния. Специфические цели и структуры государства благосостояния обусловили степень его адаптивности к глобальным изменениям и повлияли на итоги модернизации в странах ОЭСР. Характерными особенностями «консервативной модели» являются высокий удельный вес корпоративистских структур в социальном обеспечении и патерналистские установки помощи. Классическая цель социальной политики заключается в защите индивидов от социальных рисков при сохранении статусных различий между социальными слоями. Преобладающими формами услуг выступают социальное страхование для трудящихся и услуги социальной помощи для исключенных из трудового процесса. Государство благосостояния рассматривается социологами как неактивный «работодатель».

---

¹ Сизова И.Л. Некоторые аспекты теории социального государства // «Сорокинские чтения. Будущее России: стратегия развития». Материалы II Всероссийской научной конференции – М.: МГУ, 2005. <http://lib.socio.msu.ru>

В параграфе 1.2. – «Социологические концепции «кризиса государства благосостояния» обобщаются выводы социологов о причинах «кризиса государства благосостояния». Автор выделяет три варианта анализа и критики:

- во-первых, мнение, что данный механизм не в состоянии разрешить общественные проблемы (теория хронического кризиса государства благосостояния Н.Лумана, К.Оффе, Ю.Хабермаса);
- во-вторых, вывод о перманентном устаревании композиции «государства благосостояния» в силу динамичных общественных изменений (неомарксистская теория Г.Вобрубы; нормативная концепция кризиса П.Бурдые, У.Бека, Л.Лейзеринга, теория модернизации Э.Гидденса, Ф.-К. Кауфмана, Ф.Шарпфа, Ф.Нульмайера);
- в-третьих, утверждение, что государство благосостояния само производит социальные проблемы (структурно-функциональный анализ кризиса М.Коли, Й.Альбера, Ю.Шмидта, конфликтологическая концепция кризиса Г. Виленски).

Во второй главе – «Модернизация государства благосостояния в странах Организации экономического сотрудничества и развития» – анализируется комплекс причин и социальных последствий модернизации государств благосостояния ОЭСР в 1980-90-е гг. в социально-трудовой сфере.

В параграфе 2.1. – «Причины модернизации государств благосостояния» – изложена авторская трактовка причин реализации реформ в области регулирования социально-трудовых отношений.¹

Из-за нехватки ресурсов осложнилось хозяйственное развитие. Экономические изменения вступили в противоречие с политикой национализации промышленности и «кейнсианскими способами» управления занятостью и привели к возникновению структурной, возрастной, длительной и квалификационной безработицы. Финансовые процессы обусловили потерю рычагов влияния государства на хозяйствующие субъекты и, соответственно, повысили дефициты бюджетных и страховых фондов. На рынке труда возросшая мобильность рабочей силы и распространение атипичных форм труда (не подлежащих налогообложению, нормированию и социальной защите) больше не коррелировали с традиционной ориентацией государства на регулирование «нормальных трудовых отношений». В результате, трудовые биографии становились дисконтинуальными, образовались «пробелы» в доходах населения, выявились «проблемные группы» и социально незащищенные зоны труда. Новые нормативные ценности индивидуальной ответственности противоречили патерналистским установкам солидарности, равенства, социальной справедливости. Техническое и технологическое развитие спровоцировало взвинчивание цен на жизненно важные услуги и товары (в

¹ Сизова И.Л. Современные направления модификации социальной политики в странах Западной Европы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 1(2). Н.Новгород, 2002. С. 190-199

здравоохранении, образовании), возместить которые государство благосостояния было не в состоянии. *Демографические вызовы* стали причиной возникновения общественных сверхиздержек и роста напряженности между возрастными когортами. Распространение либеральной идеологии и трудности социалистической системы (*политические факторы*) деморализовали левые партии, являющиеся «мотором» развития государства благосостояния. Женская эмансипация, изменение партнерских отношений и семейных форм жизни (*гендерные проблемы*) потребовали развития социальной инфраструктуры. Выросшие гетерогенные интересы населения, региональная, этническая и профессиональная дезинтеграция, социальная эксклюзия целых групп населения стали причинами потери коллективной идентичности (*социальные причины модернизации*).

В параграфе 2.2. – «Планы реформ: интеллектуальный и политический дискурсы» синтезируются элементы влиятельных научно-практических концепций перестройки государства благосостояния. В дискурсе, названном П.Пирзоном «Новой политикой», отразилась новая парадигма социальных отношений – “welfare from workfare”. Она означала отказ от патерналистской политики обеспечения, снятие зависимых установок и активизация населения к труду и самостоятельному удовлетворению жизненных потребностей. В популярной в Европе доктрине Э.Гидденса «Третий путь» задачей государства являлась интеграция трудоспособных граждан в общественные функциональные сферы и, прежде всего, в рынок труда. Подобные ориентиры отразились в предложениях по созданию т.н. «социально-инвестиционного государства» (социал-демократические идеи), «активно-активирующего государства» (консервативные убеждения) и «негативно активизирующей политики» (либеральный подход).¹

В параграфе 2.3. – «Результаты перестройки государства благосостояния» – представлены выделенные автором качественные и количественные итоги модернизации в 1980-90-е гг. в странах ОЭСР.

К качественным инновациям относим:

- включение новых или квазиновых нормативных ценностей в риторику «государства благосостояния» («самообеспечение», «активизация», «инклюзия», «новая субсидиарность», «инвестиционная политика услуг» и пр.);
- ослабление влияния профсоюзов и союзов работодателей и одновременно усиление «третьего сектора», международных экспертных структур в процессе принятия политических решений;
- децентрализацию властных полномочий, плюрализацию полей политической активности, приватизацию части государственной ответственности. Это сократило значение государства как основного институционального актора, предоставляющего социальные услуги. Механизм производства коллективного благосостояния сместился на

¹ Сизова И.Л. Политика реформ в государствах благосостояния в 1980-1990-е гг. // Социально-гуманитарные знания. № 4. М., 2008. С. 255-264.

региональный и локальный уровни частно-публичной сферы, в Европе – с учетом участия наднациональных структур ЕС;

- повышение значения научного трансферта и консультирования в области стандартизации благосостояния. В обратном порядке транснациональные организации (МОТ, ОЭСР) и их продукция («лучшие практики») повлияли на процесс модернизации национальных государств благосостояния;

- отмену бюрократических принципов и методов управления, формирование концепции «активного управления». Инстанции социального управления трансформировались в «экспертов на местах», имеющих авторитетное мнение относительно проблем или аспектов практики. Основным субъектом управления в социально-трудовой сфере становится служба по предоставлению услуг с применением менеджерских практик, критериев экономической эффективности, соревнования, кооперации с общественными субъектами, «аутсорсинга»;

- изменение способов интервенции (услуг, стандартов) и адресатов (повышение образовательного потенциала населения, квалификации трудящихся, расширение каталога семейных услуг, удовлетворение иных, индивидуализированных потребностей населения через социальные службы). Государственный интервенционизм предполагает выпуск «инвестиционных продуктов» взамен «потребительских услуг» (социальных пособий).¹

Количественные итоги модернизации представлены в диссертации в виде типичных индикаторов, используемых при оценке социально-политического регулирования социально-трудовых отношений.

1. Мобильность рабочей силы – фактор, способный увеличить шансы людей в поиске трудового места или в карьерном росте и тем самым снизить социальные расходы на обеспечение безработицы. В конце 1990-х гг. высокая вертикальная мобильность трудящихся была характерна для скандинавских государств благосостояния (10% занятых оставалось в низкооплачиваемом секторе через пять лет после занятия рабочего места), США и Великобритании. Горизонтальная мобильность, повышающая шансы на трудоустройство, зависела от степени правовой защиты трудящихся от увольнений. Швеция, Германия, Франция имели низкие показатели флуктуации (16% трудящихся работали на одном предприятии меньше года). В США, Ирландии, Великобритании и Дании до четверти занятых покидали свое предприятие в течение этого срока.

2. Активность государства в социально-трудовой сфере – фактор, способствующий развитию занятости, оценивается:

- по уровню расходов государства, затрачиваемых на активные мероприятия. На активную политику в социально-трудовой сфере больше других тратили средств Швеция и Дания. В других странах уровень расходов больше зависел от конъюнктуры. В странах ОЭСР во время перестройки наметилось сближение объемов расходов на активные меры и легкое понижение объемов расходов на пассивные мероприятия (социальные пособия);

¹ Сизова И.Л. Социальное государство в современном обществе и динамика российской композиции социальной политики // Личность. Культура. Общество. Т.8. Вып.3(31). М., 2006. С. 172-194.

- по сопоставлению квот трудящихся, включенных в активные программы занятости. По этому показателю лидировала Дания (1998/1999 гг. – 25% трудоспособных лиц), а отставали США (1,2%);
- по типу регулирующих структур. Модернизированной считалась схема, при которой децентрализованное управление производилось в смешанной субъектной среде, а услуги финансировались из бюджетных (налоговых) средств (Скандинавия и англосаксонские страны).

3. Налоги и сборы характеризуют влияние государства на развитие и структуру занятости, уровень перераспределения доходов между группами населения. Во время реформ *уровень налогов и сборов* повышался медленно. В «модернизированных» странах произошли изменения *в структуре налогов и сборов*: сильно выросли потребительские и подоходные налоги (англосаксонские страны, Дания). В «консервативных государствах благосостояния» большую часть выплат по-прежнему составляли взносы в систему социального страхования. Финансирование социальных услуг из страховых вкладов автоматически увеличивало издержки бизнеса и пагубно влияло на состояние занятости, особенно в секторе малоквалифицированного труда (более эластичного по цене). Это приводило к увеличению теневого хозяйства и росту безработицы.¹

Прогрессия подоходных налогов за время перестройки стала менее выраженной, хотя в скандинавских странах по-прежнему осуществлялось высокое вертикальное перераспределение доходов. «Либеральные государства благосостояния» стремились «освободить» от налогов низкие доходы и снижать общие размеры налогообложения. Это приводило к развитию неравенства по доходам между группами трудящихся, но, одновременно, увеличивало занятость. Германия реализовала две взаимоисключающие стратегии: с одной стороны, от уплаты налогов освобождались низкодоходные группы, а, с другой стороны, уже в следующей группе налоговая прогрессия резко возрастала. Трудящимся было не выгодно увеличивать время труда/искать легальные подработки или суммировать заработки (например, в семье).

4. Занятость реагирует на программы пассивного обеспечения безработных, условия регулирования труда и процедуры назначения заработных плат. Либеральные критерии помощи (программы «социальной помощи» бедным и низкая степень защиты от увольнений), экстремально децентрализованное или даже локальное назначение зарплат (при минимальном участии профсоюзов) способствовали развитию занятости в Ирландии и Нидерландах (ежегодный прирост в 1990-е гг. составил 3 млн. рабочих мест). Патерналистские принципы поддержки тормозили развитие занятости в континентально-консервативных государствах (Германия, Франция). Обратной стороной успеха прироста занятости в «либеральных государствах благосостояния» стало развитие феномена “working poor” – работающих бедняков, чьи зарплаты сравнимы с минимальным прожиточным уровнем, а условия труда не соответствуют современным

¹ Сизова И.Л. Государство благосостояния и хозяйственное развитие //Социология. № ¾. М., 2007. С. 122-132.

стандартам. Для преодоления неравенства по доходам государства благосостояния внедряли вспомогательные регулирования: социальную помощь/налоговые льготы в дополнение к трудовому доходу. В результате, неравенство, хотя и медленно, снижалось в Дании (-0,018), Франции (-0,004) и Нидерландах (-0,003).

5. Социальные услуги – фактор, позволяющий оценить степень обеспечения населения за пределами сферы труда, а также связать структуру и масштабы социальных услуг с определенными барьерами на пути развития занятости.

Все государства благосостояния при назначении *социальной помощи* ориентировались на исчерпание источников доходов (зарплат, накоплений, социальных услуг). Щедрая социальная помощь в Дании исполняет функцию «резервуара» для приема «проигравших» на рынке труда лиц. Низкие выплаты в Швеции компенсировались активной политикой в социально-трудовой сфере и иными формами социальной поддержки безработных. Из-за нарушения баланса на рынке труда «консервативные государства благосостояния» (Германия и Франция) вынуждались увеличивать объемы расходов на социальную помощь. Незначительные выплаты в США являются примером политики принуждения к труду при наличии жестких правил доступа к этому виду социальных услуг и за отсутствием иных государственных услуг. В 1997г. в США пособия получали 7% лиц, испытывающих нужду в материальных средствах, тогда как в среднем по ОЭСР 42,6% нуждающихся лиц.

Услуги, возмещающие заработную плату (пособия по безработице), использовались для материального обеспечения безработных и для стимулирования занятости.

Страховые пособия по безработице предназначались для поддержки безработных во время поиска места работы или являлись средством «ожидания пенсии». Бюджетное финансирование пособий по безработице подходило для «негативного стимулирования труда». Снижение пособий по безработице и ужесточение прав на их получение произошло в Швеции, Нидерландах и США. В Дании, Франции, Новой Зеландии, Великобритании и Германии рестрикции при доступе к услугам помощи по безработице в конце XX века оставались еще сравнительно мягкими, а пособия – щедрыми.

6. Развитие общих социальных расходов выявляет направления трансформации современного государства благосостояния.

В процессе реализации реформ возросла численность клиентелы государства благосостояния. За исключением Ирландии, уровень социальных расходов в странах ОЭСР в период 1970-2001 гг. возрос или не менялся. Самой многочисленной группой, зависимых от государства лиц, стали безработные. «Наращивание» социальных расходов больше не являлось следствием успеха рабочего движения. Экспансия государства благосостояния приобрела сильно зависимый от ситуации в хозяйстве и на рынке труда характер.

7. Уровень бедности – фактор, отражающий «силу» или «слабость» государственных стратегий в борьбе с важнейшими социальными

проблемами.¹ Развитие занятости во время перестройки не привело к снижению бедности: уровни занятости и бедности в странах ОЭСР отрицательно коррелировали между собой. Более того, прирост занятости во многих случаях сопровождался растущей степенью относительной бедности трудящихся (Великобритания, Нидерланды). Рискам бедности подвергались женщины, особенно молодые и пожилые. В «консервативных режимах» бедными часто становились иностранцы, что не было характерным для других стран.

В третьей главе – «Модель регулирования социально-трудовых отношений в Германии на рубеже веков» – предлагаются аналитические и эмпирические свидетельства «устаревания» регулирующих структур в сфере социально-трудовых отношений в Германии, создавших барьеры на пути разрешения социальных проблем.

В параграфе 3.1. – «Положение на рынке труда в Германии перед началом реформ» – дифференцируются процессы на рынке труда в начале XXI в., провоцирующие сбои в функциональном механизме социальной защиты трудящихся.

В начале XXI в. безработица в Германии приняла массовый характер и сопровождалась кризисом занятости. Оба феномена ошибочно толковались конъюнктурными сбоями, хотя временное улучшение конъюнктуры ситуацию принципиально не меняло: занятость возростала только в секторе низкооплачиваемого труда. Традиционные меры государства (раннее пенсионирование, создание занятости) не приносили ощутимых позитивных эффектов. Совокупная безработица (регистрируемая безработица, трудоспособные получатели социальной помощи, «скрытые резервы») в 2002г. составила 6,5-7,5 млн. лиц, а с учетом ближайших родственников уже в 1997г. насчитывалось 22-25 млн. Безработица особенно затронула лиц старше 55 лет (9,7% по сравнению со средним значением по ОЭСР в 4,4%), молодежь (до 10%), малоквалифицированных работников, она была выше на востоке страны (16%), чем на западе (8%). Чаще увольнениям подвергались мужчины, но женщины чаще оказывались в рядах длительно безработных. Примерно 35-45% официально зарегистрированных безработных являлись длительно безработными (от 6 месяцев до одного года). По этому показателю Германия опережала многие другие страны (среднее значение по ОЭСР – 28%).

Группы риска на рынке труда могли претендовать на очень низкую зарплату в секторах частичного или низкооплачиваемого труда (Mini-Job) при низких правах (или их отсутствии) на получение социальной страховки. Три четверти лиц, работающих в низкооплачиваемом секторе полный рабочий день, находились в возрасте между 25-54 годами (ядро трудоспособного возраста, 82% всех занятых). Наибольшему риску низких заработков при полной занятости подвергались женщины в старых

¹ Сизова И.Л. Бедность и борьба с бедностью в государствах благосостояния: современное состояние и перспективы //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 2(7). 2007. С. 78-86.

федеральных землях (из 33% женщин, трудившихся полный рабочий день, 63% были заняты в низкооплачиваемом секторе). В низкооплачиваемом секторе работала молодежь в возрасте до 24 лет, еще не завершившая образования. Тенденция по снижению ценности квалификаций привела к тому, что потоки работников стекались главным образом в этот сектор. Хотя граждане с образованием в меньшей степени рисковали оказаться в низкооплачиваемом секторе, он не был «резервуаром» для приема малоквалифицированной рабочей силы, наоборот, более 60% трудящихся имели законченное профессиональное образование. К этой ситуации страна оказалась не готовой: образованные люди всегда считались первыми претендентами на высокую оплату труда и социально-защищенную занятость. Сектор не был «перевалочным пунктом» в трудовой жизни, как в Америке или Великобритании. В период с 1996 по 2001 гг. половина всех занятых полный рабочий день оставалась в нем, 11% перешли на схему частичной занятости, 6% стали безработными. Лица, много лет получающие низкую зарплату, чаще других пополняли ряды безработных или нетрудящихся, а также вращались между занятостью и незанятостью.

Из-за проблем на рынке труда образовались значительные пробелы в коллективном и индивидуальном благосостоянии: только на борьбу с безработицей в 2002г. было потрачено 50,4 млрд. евро без учета расходов на выплату пособий по социальной помощи. Индивидуальные ущербы (сокращение накоплений, потребительского спроса) скапливались в определенных группах, что увеличивало степень социального неравенства в стране и усиливало риски эксклюзии.

В параграфе 3.2. – «Аналитическая модель государственного регулирования социально-трудовых отношений в предреформенное время» – автором суммируются институциональные детерминанты рынка труда и факторы его деформации в государстве благосостояния, а также обобщаются контрпродуктивные проявления системы социального обеспечения в новых условиях.

В Германии наряду с регулярным рынком труда существовал вторичный, сильно зависимый от государственных усилий по стимулированию и поддержанию занятости. Кроме того, государство создало сектор общественного труда, предназначенный для лиц с серьезными проблемами в трудоустройстве. Все три рынка труда зависели от комплексного и жесткого законодательства о труде и найме, защищающего права трудящихся и ослаблявшего авторитет работодателя. Инструментальная часть государственного регулирования занятости содержала всевозможные программы и меры государства, нацеленные на защиту занятости, трудовых отношений и перераспределение рыночных доходов. Целью активной политики являлась коррекция структурных оснований рынка труда, стимулирование труда, повышение трудовых доходов, развитие социального капитала работников. «Пассивные программы» направлялись на материальную поддержку безработных лиц, а также на разгрузку рынка труда от излишней рабочей силы в кризисные

времена. Система социального страхования (центральный механизм социальной защиты в «консервативной модели») ориентировалась при назначении услуг на унифицированное количество и качество произведенного труда и трудовые заслуги, что в ситуации флексибилизации рынка труда и роста атипичных форм занятости стало делом трудноосуществимым. Обязательные для выплаты части в структуре оплаты труда (тарифно-договорная оплата труда не ниже определенного законодательством размера социальной помощи; дополнительные издержки на труд – вклады в систему социального страхования, расходы на производственную социальную политику и пр.) видоизменили ее реальную стоимость и привели к сокращению спроса на труд. Только общая сумма налогов и вкладов в систему социального страхования в дореформенный период составляла 52% доходов одиноко проживающего человека. В результате в стране возрос сектор нелегального труда, в котором производилась пятая часть общего социального продукта. Лица, «подрабатывающие» в теневом хозяйстве, субъективно оценивали свое материальное положение как недостаточное. Однако немецкие эксперты данное положение расценивали как проблему «инфляции претензий».

Мягкое определение категории «приемлемая работа» привело к казусным изменениям системы социальной помощи: ее клиентами все чаще становились длительно безработные лица, исчерпавшие свою долю ресурсов в системе социального страхования, но не поменявшие статуса (не стали пенсионерами, не вернулись к трудовым отношениям и пр.). Обратное негативное воздействие социальной помощи на рынок труда заключалось в том, что она могла до бесконечности удлинять время безработицы, поскольку доступ к ней не ограничивался сроками получения услуг, а лишь критериями нуждаемости. Уровень пассивных трансфертных услуг деактивировал трудовые стимулы из-за незначительной разницы между пособиями и зарплатами в низкооплачиваемом секторе труда. В результате, безработица превращалась в застойное явление, а ограничения в подработках при получении какого-нибудь вспомоществования снижали у работников желание повышать свой материальный достаток.

Пособия по безработице рассматривались трудящимися как своеобразный способ сбережения средств на случай досрочного выхода на пенсию (за несколько лет до пенсионного возраста можно было «безнаказанно» получать пособие по безработице). Для некоторых этот путь являлся рациональным действием, поскольку зарплаты ненамного превышали совокупный размер услуг. В хозяйственном контексте, такая политика приводила к вытеснению части рабочих рук с рынка труда: работодатели перекладывали на систему социального страхования несение издержек, связанных с содержанием избыточной (старой или ненужной) рабочей силы. Особенно проблематичным являлось вращение безработных между государственными мероприятиями и состоянием безработного помимо регулируемого рынка труда («эффект вращающейся двери»).

Параграф 3.3. – «Научно-практические дискуссии о концепции и способах перестройки» – раскрывает содержание общественных дискуссий о целях модернизаторской политики в области регулирования труда и социальной защиты трудоспособных лиц в Германии (конец 90-х гг. XX в. – начало XXI в.). Новая политика в Германии явилась следствием актуализации проблемы массовой безработицы. Ослабление профсоюзного движения значительно уменьшило число противников предстоящих реформ и помогло добиться согласия парламента на проведение нововведений. Громкий скандал об искажении отчетных цифр в посредничестве в трудоустройстве федеральными структурами был активно поддержан СМИ, что усилило поддержку общественностью вообще-то непопулярных реформ. Социал-демократы, находящиеся у власти, ориентировались на интересы трудящихся и желали закрепить свое влияние в сфере социально-трудовых отношений, так что продвижение «политики санкций» являлось способом защиты элитой интересов «инсайдеров» на рынке труда (занятого населения).

В официальном формате целью реформ являлось создание либерального режима занятости, дерегулирование государственных гарантий занятости и стимулирование развития сектора низкооплачиваемого труда. Планы общественной комиссии П.Хартца включали изменение поведения безработного лица в трех центральных областях: готовности безработного к труду, активной оценки собственной рабочей силы и установке на близость к рынку труда. «Пассивные» услуги государства благосостояния модифицировались в услуги «стимулирования и требований», социальная активизация замещала стратегию приватизации социальных рисков, а в объективно трудных ситуациях гражданам предлагалась мощная государственная поддержка. В научно-практических дискуссиях подчеркивались негативные следствия программы реформ правительства и бизнес-сообщества: снижение доходов, эксклюзия бедных, рост социального неравенства. *Большинство общественных предложений* сводились к созданию защищенного общества, основанного на «модели инклюзии» (немецкий вариант доктрины «третьего пути»). В этом контексте обсуждалась идея Г.Шмидта о создании «переходных рынков труда» как средства «страхования труда» (поддержания доходов граждан и усиления стимулов к труду). Проекты превентивных социально-политических мероприятий в социально-трудовой сфере (непрерывное повышение квалификации работников, ротация трудовых мест, предоставление временной работы) предполагали поддержку трудовой и профессиональной мобильности лиц, занятых в низкооплачиваемом секторе. Среди экспертов усиливались доводы в пользу изменения немецкой системы налогов и сборов по аналогии с европейскими государствами. Научкой активно формировался образ нового наемного работника – своего рода «предпринимателя» в сфере трудовой активности. Государство должно было оказывать помощь в повышении его знаний, в готовности к ежедневному обучению, в развитии трудовых компетенций и в использовании созданных шансов на рынке

труда. В целом считалось, что такие перемены изменяют жизненные биографии отдельных людей в лучшую сторону.

В четвертой главе – «Новая немецкая политика на рынке труда»: 2002-2007» – характеризуется процесс социальных изменений в Германии в 2002-2007гг. и выделяются важнейшие социальные следствия в жизнедеятельности населения.

В Параграфе 4.1. – «Реформы комиссии П.Хартца – «Современные услуги служб на рынке труда» – акцентируются изменения в регулировании занятости и трудовых отношений.¹ Реформы затронули интересы всего самодеятельного населения страны и привели к фундаментальным изменениям в характере общественных отношений. Реализованные в 2003г. *первые два закона «комиссии П.Хартца»* включали:

1. Стимулирование труда и создание условий для сокращения официальной безработицы и расходов государства (положения о своевременном поиске работы/постановке на учет в службы занятости, ужесточение доступа к социальным услугам, санкции для нарушителей процедур).

2. Новые критерии «приемлемой работы», которые связывались с географическими, материальными, функциональными и социальными условиями рынка труда, но исключали защиту профессии и квалификации как цели политики государства благосостояния. Санкции, применяемые к нарушителям, сильно критиковались, поскольку по-новому очерчивали границы солидарного сообщества: активное население требовало ответных действий со стороны безработных. Эта тема являлось такой же острой, как «еврейская тема», «национал-социализм» и «проблема иностранцев».

3. Внедрение технологии «quick» (быстрого) трудоустройства сопровождалось созданием новых структурных элементов («Сервисное агентство по персоналу», «Job-Center»), обеспечивающих постоянный и удобный доступ клиентов к услугам служб (практика «one-stop-center»). Новые формы трудоустройства безработных через ведомства труда (лизинг персонала, собственное дело, семейные предприятия) выстраивали «мостик» при переходе от безработицы к занятости («эффект склеивания»), стимулировали развитие малого бизнеса или просто позволяли сохранить трудовые навыки (работа в госучреждении, общественный труд за пособие).

4. Легализацию труда домохозяйств и частных лиц (освобождение от уплаты налогов низких доходов до 400 евро/месяц и приравнивание их к «подработкам», снижение социальных взносов работодателей). Это нововведение являлось мерой борьбы с нелегальной деятельностью и средством повышения доходов и социальной защиты трудящихся. На практике учреждения труда использовали его для направления неквалифицированных лиц в низкооплачиваемый сегмент труда.

На втором этапе (закон 2004г.) модифицировалось регулирование социально-трудовых отношений:

¹ Сизова И.Л. Новая немецкая политика на рынке труда и ее научное сопровождение /Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород, 2008. № 3.

1. Децентрализация ведомств труда привела к созданию новых компетенций региональных и локальных властей в расходовании финансовых средств, взаимодействии с хозяйствующими субъектами, диагностике потребностей рынка труда и специфики безработицы. В результате реорганизации сильно снизилось число чиновников и количество госструктур.

2. Правовое разграничение направлений государственной деятельности в социально-трудовой сфере и вливание финансовых средств из госбюджета поделило клиентов государства благосостояния на «классы». Все услуги застрахованным лицам финансировались фондами социального страхования. Они имели право на получение «пособия по безработице 1» (Arbeitslosengeld I). Остальные безработные были названы «ищущими работу». Им предоставлялось отдельное пособие по безработице – «пособие по безработице 2» (Arbeitslosengeld II), финансируемое из бюджетных средств. Часть структур социального управления отвечали за предоставление услуг застрахованным безработным (Трудовые агентства), другие работали с получателями бюджетного пособия (Трудовые сообщества), Агентства по труду). Ключевая инновация заключалась в предоставлении государственных средств под «заказы». К тому же бюджетные услуги исключали претензии со стороны получателей. В страховой системе не произошло изменений: она, как и прежде, оставалась самостоятельной корпорацией по исполнению публичного права в отношении плательщиков социальных взносов.

3. Оптимизация активных монетарных услуг государства в социально-трудовой сфере нацеливалась на борьбу с безработицей непосредственно на рынке труда (госкредиты малому и среднему бизнесу при найме безработного, система бонусов предприятиям с положительным балансом занятости; «сертификаты» безработным при обращении в частные агентства по найму). Крупным и средним предприятиям «навязывалась» стратегия сохранения персонала посредством прикрепления к ним представителя от ведомства труда, проведением переговоров и консультаций, требованиями информации по потенциальному персоналу и пр.

На третьем этапе (2005г.) изменилась система социального обеспечения по безработице:

1. Новое «базовое социальное пособие для ищущих работу» заменило все прошлые схемы назначения вспомоществований по безработице (кроме страхового пособия) и ограничило возможности злоупотребления услугами. Оно выплачивалось на уровне социальной помощи, связывалось с адресной проверкой нуждаемости (ей подвергались все члены домохозяйства) и обязательствами по активному поиску работы.

2. Верификация активных услуг, призванных поддержать трудоустройство и занятость, произошла за счет включения системы интенсивного сопровождения «ищущих работу» (консультирование, назначение персонального менеджера, создание виртуального рынка труда); посредничества при трудоустройстве; материальной помощи устраивающимся на работу лицам и членам их домохозяйств,

вспомоществований на начальных этапах занятости и при низкой оплате труда; стимулирования квалификации и трудовых навыков молодежи на рабочем месте и в образовательных учреждениях; услуг пожилым работникам при переходе в низкооплачиваемую занятость или при досрочном выходе на пенсию.

В параграфе 4.2. «Промежуточные итоги социально-политических реформ» автором структурированы мнения немецких экспертов в десять сюжетных линий, характеризующих социальные изменения в Германии в 2002-2007 гг.:

1. «Силы, воздействующие на процесс реформ» показывает движущие силы немецкой перестройки (в порядке убывания): нормативные и идейные установки, сравнение развития Германии с другими странами, зависимость от «избранного пути», наличие ресурсов, влияние политических и общественных акторов, «фактор времени», планы и программы реформ, а также проблемы, риски и вызовы. Выделенная структура свидетельствует, что проведение реформ в большей степени зависело от нормативных и идейных установок, в меньшей – от существующих проблем и общественных вызовов.

2. «Давление экономической интеграции» означает, что структурные изменения в хозяйстве и в социально-трудовых отношениях стимулировали модернизацию немецкого государства благосостояния.

3. «Глобализация» включает мировое капиталистическое хозяйство, общие европейские структуры и институты государства благосостояния в единое пространство, повлиявшее на цели социальных реформ в стране.

4. «Рациональный выбор» определяет, что рост гетерогенных интересов в процессе перестройки в конце концов затмил «идейную» сторону прогресса.

5. «Индивидуализированные и коллективные итоги реформ» указывают на социальные последствия перестройки на индивидуальном и макросоциальном уровнях. В индивидуальной плоскости сокращение пассивной социальной поддержки нуждающихся лиц способствовало усилению бедности в домохозяйствах, сегментации граждан в борьбе за выживание, где наибольшие шансы получили люди с активной жизненной позицией. В стране возросло число получателей социальных услуг и ужесточился контроль государства над клиентами. На уровне структур действия государства способствовали углублению процесса дифференциации клиентов государства благосостояния, а запланированный учет индивидуальных потребностей граждан остался без внимания. Институциональные и структурные изменения «консервативного государства благосостояния» способствовали осознанию истинных (значительных) масштабов безработицы и неактивности населения, но либеральная практика помощи вступила в противоречие с прежде влиятельными структурами социального страхования. «Новая политика» спровоцировала развитие сектора низкооплачиваемой и малоквалифицированной работы, который остался мало мобильным, и быстрое разрушение традиционной системы занятости.

6. *«Усиление субсистем»* указывает, что в процессе модернизации трансформировался баланс функциональных сфер в стране. За время реформ выросли интересы и потребности населения, социальная бюрократия, система прав и обязанностей, порядка и безопасности.

7. *«Современные соревновательные способности немецкого общества»* подчеркивает возросшую силу модернизированного государства в управлении социальными процессами.

8. *«Качество немецкой политики в сфере социально-трудовых отношений»* раскрывает качественные изменения традиционных целей «консервативного государства благосостояния» (социальной безопасности). Немецкие эксперты указывают на низкую эффективность государственной интервенции с точки зрения критериев социального равенства и справедливости. Реформы в сфере регулирования социально-трудовых отношений привели к увеличению принудительных и контролирующих (негативно стимулирующих) функций государства.

9. *«Специфические признаки современной системы социального обеспечения в Германии»* очерчивает границы трансформации «консервативной модели». Изменилась система финансирования социальных услуг, государство отказалось от важных в прошлом элементов поддержки безработных и переориентировалось на обслуживание «новых проблемных групп». Но управление и после реформ не выходит за рамки традиционных образцов. Сложившаяся резистентная композиция государства благосостояния провоцирует внутриорганизационные и социальные конфликты в области распределения благ.

10. *«Символическое значение немецкой перестройки»* характеризует масштаб происходящих перемен, указывает на новизну политических действий и подчеркивает значимость реформ.

В ходе групповых дискуссий выявились существенные разногласия среди экспертов. Большая их часть критически оценивала итоги перестройки, указывая на ошибочную стратегию красно-зеленой коалиции Г.Шрёдера при проведении реформ, и предпочитала считать модернизацию в Германии несостоявшейся. Почти каждый пятый эксперт, наоборот, подчеркивал значимость происходящих перемен, а неустойчивое положение в стране связывалось с малым временем, прошедшим с момента перестройки, и с консервативным сознанием, не поспевающим за стремительными переменами в социальной жизни. Совсем немногие рассматривали модернизацию государства благосостояния в целом как позитивное движение германского общества, но при этом отмечали, что этот процесс обязательно сопровождается появлением проблем у отдельных индивидов, групп или даже социальных слоев. Собранные автором экспертные оценки во многом созвучны с распространенным в стране представлением о ходе и итогах реформирования немецкого «государства благосостояния».

Анализ докладов официальной эвалюации, независимых исследований, данных статистики и групповых дискуссий позволил выделить социальные

последствия реформ в наиболее значимых областях жизнедеятельности населения.

В сфере труда и занятости специфическое решение проблемы безработицы резко увеличило число «ищущих работу» и понизило количество «безработных». «Нуждающимися сообществами» без разбора становятся как безработные, так и трудящиеся. Если кривая безработицы быстро снизилась, то занятость при этом особо не возросла. Более того, продолжился спад «нормальных трудовых отношений» (социально застрахованной занятости).

Таблица 1

Изменения в структуре занятости (в тыс.)

годы	Занятые в первичном, вторичном, третичном секторе хозяйства*			Социально-застрахованная занятость	Низкооплачиваемая занятость (в т.ч. среди женщин)	Низкооплачиваемая деятельность как подработки
	1	2	3			
2002	905	10794	27397	27571	4169	
2003	881	10461	27380	26955	4375	1158
2004	873	10269	27726	26524	4803	1663
2005	853	10028	27902	26178	4747	1745
2006					4854	1897
2007					4931	2050

* 1 – сельскохозяйственный сектор; 2 – производительное хозяйство; 3 – сектор услуг.

Подталкиваемая «новой политикой», обострилась сегрегация рынка труда: наряду с регулярным, хорошо защищенным системой социального страхования, увеличивается вторичный, приемлемый для лиц, состоящих в «затруднительных трудовых отношениях». Этот агломерат низких доходов, быстрой смены места труда, принудительной работы, связанной с доплатами в форме социального пособия, периодами незанятости и отсутствия каких-либо услуг, принял пятую часть граждан Западной Германии и почти третью часть занятых на востоке страны. Новые критерии «приемлемой работы» способствуют включению получателей пособий в низкооплачиваемую занятость или в общественный труд «за одно евро». Это увеличивает временную занятость в стране (на 1,1% за 2005г.) из-за законодательных ограничений на участие в таком труде (не более полугода), а работники априори расцениваются как имеющие низкие шансы на возвращение в «нормальные отношения занятости».

Государство изменило гарантии в области материального обеспечения трудоспособных лиц: они все меньше претендуют на страховое пособие по безработице и все больше получают низкое бюджетное пособие.

Таблица 2

Получатели пособий по безработице (в тыс.)

годы	Пособие по безработице 1	Пособие по безработице при участии в образовательных программах	Получатели пособия по безработице 2
2003	1919	232	-
2004	1845	167	-
2005	1729	88	4982

2006	1445	-	5392
2007	933	1628	6006

Трудящиеся с низкими трудовыми доходами образуют специфическую группу «надстройщиков» (пособие + трудовой доход). В 2006-2007 гг. их число увеличилось на 70%. Позитивная корреляция существует между развитием числа «надстройщиков» и ростом нуждаемости домохозяйств. Система дотирования занятости является непродуманной: работодатели воспринимают доплаты к зарплате как средство извлечения прибыли и используют этот инструмент для занятия лакомых частей рынка (малые почтовые службы в борьбе с монополистом (Deutsche Post) выплачивают персоналу низкие зарплаты, зная, что государство восполнит работникам недостающую до прожиточного минимума часть). С другой стороны, доплаты вызвали эффект деактивации трудовых стимулов. В Германии изменилась традиционная пирамида доходов: 90% получателей «пособия по безработице 2» сконцентрировались в самом низком сегменте доходов, поскольку переход в следующую группу (Midi-Job) связан с понижением зарплаты (резко возрастает прогрессия налогов), лишением права на получение доплаты и необходимостью выплат социальных взносов. Правда, «на руки» эти люди получают незначительные суммы, поскольку государство жестко контролирует расходы (само оплачивает жилье, социальные взносы и пр.).

Возросшее число санкций (2002 – 85529 случаев; 2004 – 183886; 2006 – 347976) усиливает добровольный отток трудоспособных лиц из системы социальной защиты. Более 2 млн. не пользуются правом на получение пособия. Хотя эти люди нуждаются в материальных средствах, сокращение числа получателей социальных услуг подается как «успех» активизирующей политики государства. Многие безработные, в «обычные времена» являющиеся активными соискателями работы, не прошли адресную проверку нуждаемости и вынуждены в отсутствие работы «проедать» накопленные ресурсы. Такая система социального обеспечения «нуждающихся сообществ» усиливает страх потери работы с хорошим доходом, социальное неравенство и бедность трудоспособного населения.

В конфигурации бедности произошли следующие изменения. Если раньше бедность начиналась при потере трудового места, то в новых условиях она не заканчивается после получения работы: резко увеличился верхний сегмент низкодоходного населения (60% - граница среднестатистических доходов обычно рассматривается как «угроза бедности»).

Таблица 3

Относительная бедность по доходам среди населения

годы	40% граница	50% граница	60% граница
2002	3,2	-	12,6
2003	2,8	6,9	12,9
2004	2,8	-	12,8
2005	2,9	-	13,7

При общем росте бедности, в 2005г. статус «нуждающегося сообщества» чаще всего получали семейные пары с одним ребенком (47% от всего числа домохозяйств соответствующего типа), пары с двумя детьми (46%), работающие супруги с тремя детьми (41%) и более (32%). Пары без детей заметно реже становятся бедными.

После реформ увеличились разрывы в заработных платах трудящихся людей, которые даже превосходят аналогичные показатели в США. Сравнение заработных плат лиц, работающих полный рабочий день и часть дня, показывает, что работники при полной занятости преимущественно концентрируются в кластере высоких зарплат, в частичной занятости – в кластере низких зарплат (группа по доходам до 900 евро/месяц составляет почти 70% всех занятых в этом секторе). При занятости полный рабочий день только 18% лиц получают доход ниже официальной границы бедности, в секторе частичной занятости недостаточные доходы характерны для подавляющего числа работников.

Изменение правоотношений между государством и гражданами породило неравноправные *целевые группы клиентов*.

В 2007г. стала снижаться *длительная безработица*, четче реагирующая на специфические социально-политические мероприятия (санкции, предоставление рабочего места), чем на активизирующие меры (обучение, консультирование). В такие программы включались в основном для группы получателей «пособия по безработице 2» и длительная безработица среди них сокращалась быстрее (на 4,5% в 2006/2007 гг.), чем среди безработных со страховым пособием или среди тех, кто не имел прав на услуги (на 3,3%).

Частично «выиграли» от реформ *женщины*, одиноко воспитывающие детей. Как «ищущие работу», они дополнительно получили выплаты на детей и достигли более высокого совокупного дохода по сравнению с обычной социальной помощью. Однако абсолютный итог помощи одиноким матерям в 2005г. оставался еще на ненормально низком уровне – только 10 000 матерей сумели ею воспользоваться. В гендерной перспективе реформы обострили материальное положение женщин:

- им чаще, чем мужчинам отказывалось в праве на получение «базового обеспечения» (20% безработных женщин и 12% безработных мужчин в 2006г.);
- не были приняты во внимание особенности трудовых биографий женщин (новые инструменты стимулирования занятости ориентировались на всеобщую модель полноценной занятости взрослого трудоспособного человека);
- в стимулирующих программах женщины задействовались реже, чем мужчины. В основном им предлагалось участие в дешевых и непрестижных мероприятиях, хотя женщины активно включались в занятость (73% в 2005г. при общей занятости в 70% активного населения). Особо дискриминируются малоквалифицированные работницы и одинокие матери: они дольше других получают пособия и составляют т.н. «малодинамичный сегмент» на рынке труда, из-за чего женская длительная безработица до сих пор не преодолена;

- непропорционально высоким является участие женщин в секторе низкооплачиваемого труда при заниженном занятии рабочих мест в социально защищенной занятости.

Пожилые лица в возрасте 50 лет и старше оказались в ряду «проигравших». Инструменты стимулирования занятости не дали положительных результатов. Многим было отказано в предоставлении пособия. За отсутствием работы старые работники без видимых причин предпочитают досрочно выйти на пенсию, несмотря на пониженный размер пенсии. Безработица в основном сконцентрировалась в группе лиц, не достигших 63-летнего возраста, поскольку этим безработным государство не предложило корректирующих программ (16,1% в 2007г.). В Германии развивается новый и весьма любопытный феномен – возрастная безработица. Даже в случае трудоустройства пожилые работники вытесняются в сектор низкооплачиваемого труда (в 2006г. – 1 млн. человек) или им предоставлялась работа на незначительное время. Среди пожилых работников растет страх – незадолго до пенсии оказаться в числе получателей базового пособия.

Малоквалифицированные работники являются группой риска по бедности, даже при наличии заработной платы. Подработки, предоставляемые государством, становятся для них практически единственной формой участия в труде. Они чаще других претендуют на услуги «базового социального пособия».

В сфере управления рынком труда не произошло радикальных изменений.

1. Активные мероприятия предлагаются тем, кто их фактически оплачивает (социально застрахованным безработным, для которых поиск новой работы не представляет значительной сложности).

2. Сокращены дорогостоящие, доказавшие свою эффективность мероприятия и увеличено число коротких и дешевых программ, заслуживших отрицательную оценку в эвалюационных докладах. Большую часть образовательных мероприятий составили тренинги. В 2006г. соотношение между участниками тренингов и участниками мероприятий по повышению квалификации/получению профессионального образования составляло 1: 1,6 (в 2002г. – 1:5,4). Хотя тренинги проводятся с людьми, имеющими готовую квалификацию, к участию привлекаются неквалифицированные лица. Только за год (2006-2007 гг.) число участников тренингов из группы «ищущих работу» выросло на 21%. В программах профилирования потребности клиентов играют подчиненную роль. Незащищенным оказался процесс сертификации образовательных учреждений – выбор остается за ведомствами труда. В результате увеличиваются «пробелы» в квалификации работников: за годы реформ возросло среднестатистическое время, в течение которого вакантные места остаются не занятыми (в 2007г. – 66 дней; в 2006г. – 62 дня). В стране усиливается «квалификационно-специфическая» безработица.

3. Агентства по труду практикуют стандартизированные услуги и жесткое отношение к клиенту. Сотрудниками оттачиваются техники, позволяющие быстро сокращать число тех, кто не исполняет предписаний властей или отклоняет предложение о труде (усиление «принудительной» компоненты в новой политике государства благосостояния).

4. Децентрализация управления рынком труда видоизменила функции локальных властей. Местные Агентства по труду вынуждаются к сбору информации об открытых вакансиях, к созданию новых рабочих мест, хотя госструктуры в Германии не владеют монопольным правом на подобные действия. Однако работодатели и работники мало используют этот ресурс. При нехватке рабочих мест примерно в 7 млн. (2005г.) работодатели официально зарегистрировали лишь 0,4 млн. В 2006г. только 22,5% предприятий рассматривали соискателей, присланных Агентствами по труду, как претендентов на рабочие места, Они чаще ориентировались на частные фирмы по найму персонала. Среди безработных, которые нашли или поменяли рабочее место, услугами ведомств труда воспользовались 15%. Большинство безработных, как и прежде, ищут работу самостоятельно (26,5% в 2006г.) через неформальные связи, объявления в газетах и пр. В целом, государство регулирует примерно 35% трудоустройств. Попытка частично приватизировать процесс управления и привлечь частные агентства к трудоустройству провалилась: как и раньше государственные структуры большую часть времени тратят на проблемные группы, с которыми частные агентства не хотят иметь дело.

5. К традиционной политике занятости добавилась новая и мощная область – «посредничество в трудоустройстве». Правда, самые эффективные меры, – программы по поддержанию занятости, используются не по назначению (в основном низкие доходы трудящихся пополняются пособиями) и поэтому оказываются недейственными для стабилизации занятости.

В финансовой политике ретроспективно усиливается «сберегательная компонента». За два года (с 2004 по 2006 гг.) расходы на активную политику сократились с 18,7 до 13,56 млрд. евро. Для получателей базового социального пособия в 2005г. активные мероприятия были профинансированы на 54% в сравнении с плановыми цифрами. Если в 2000г. на каждого получателя услуг закладывалось по 4500 евро, то в 2005-2006 гг. – по 2000 евро. В настоящее время не качество мер определяет конечное решение в пользу выбора того или иного средства помощи, а ее стоимость. Однако, колоссальный рост числа «нуждающихся домохозяйств» провоцирует встречное движение.

Изменения в структуре финансирования и в представительстве интересов отражают нарастающие тенденции по плюрализации и секторализации полей политической активности. Власти все больше ориентируются на рациональные стратегии и генерируют институциональный эгоизм не только на уровне центральных субъектов политики занятости, но и на местах. Сферы финансирования политики из бюджетных и страховых средств четко поделены, что исключает

перемешивание источников поступления средств при наличии любых проблем. Автономное положение фондов социального страхования, нацеленное на финансирование безработицы в сокращающейся группе застрахованных работников, приводит к увеличению участия государства в финансировании политики в социально-трудовой сфере, делящегося финансовые тяготы между различными уровнями власти.

Заданный реформами Хартца тон импонирует плательщикам взносов в социальное страхование, поскольку для них понижаются вклады и увеличиваются трудовые доходы. Одновременно возвращается нарушенный баланс между вкладами и предоставляемыми услугами. С другой стороны, повсеместно вырастает дефицит бюджетов коммунальных властей, поскольку даже с учетом федеральных дотаций свыше 70% расходов на обеспечение «ищущих работу» оплачивают коммунальные власти. Основной причиной диспропорции в развитии расходов федерации и коммун являются ошибки в расчетах стоимости услуг, цены на которые определяются ниже их рыночной цены (например, оплата жилья). Растущая доля «надстройщиков» способствует повышению расходов местных властей: эта группа в меньшей степени претендует на бюджетные пособия, а в большей степени на предоставление дотаций (оплату дневного попечения над детьми, жилья или коммунальных услуг), финансируемых из коммунальных бюджетов. Тем самым усиливаются конфликты распределения между коммунами и федерацией с одной стороны, а с другой – снижается уровень и качество социальных услуг.

Среди населения Германии за время реформ сохранилась уверенность в том, что создание и поддержание общества с высоким качеством жизни стоит больших денег. Только на обеспечение «ищущих работу» и на борьбу с безработицей в 2004г. затрачено 85,7 млрд. евро. Считается, что проблемы в сфере труда приводят к серьезным расходам на индивидуальном и на общенациональном уровне, которые могут нарастать из-за отдаленных эффектов, например, деqualификации трудящихся или ухудшающегося здоровья нации.¹

В Заключение подводятся основные итоги исследования, формулируются ключевые выводы диссертации.

Модернизация «консервативного государства благосостояния» (на примере Германии) позволяет извлечь несколько важных уроков:

- Социальные реформы 1980-90-х гг. в странах ОЭСР и немецкая перестройка 2002-2007 гг. показывают, что модернизация на этом этапе заключалась в либерализации морально-ценностного императива сфер «труда» и «обеспечения» в государстве благосостояния. На коллективном уровне реорганизация регулирующих структур в области социально-трудовых отношений и усиление «активизирующей» и «принудительной» политики в отношении трудоспособных лиц привели к сокращению патерналистских ожиданий населения. На индивидуальном уровне выросло стремление к самостоятельному удовлетворению жизненных потребностей, в

¹ Сизова И.Л. Трансформационные процессы в государствах благосостояния //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород, 2007. № 3. С.256-264.

том числе и в производстве благосостояния. Труд становится центром притяжения человека к общественным системам социальной поддержки, которые выполняют функции интеграции индивидов в социум;

- Но поддержание социального страхования в условиях тертиаризации хозяйства и увеличения форм атипичного труда усугубляет общественные проблемы (эксклюзию, социальное напряжение);

- «Опаздывающий стиль» проведения реформ предполагает реализацию быстрой (но уже во многом болезненной для общества) и дорогостоящей модернизации;

- Институциональная и нормативная резистентность государства благосостояния (например, взаимосвязь либеральных и консервативных элементов) затрудняет решение социальных проблем, снижает материальный достаток трудоспособных лиц, усиливает неравенство и конфликты между «классами» государства благосостояния (обеспечивающими и обеспечиваемыми), а также производит эффекты смещения ответственности (между субъектами и оферентами благосостояния), практики дискриминации и «злоупотребление услугами», информационный вакуум;

- Дифференцированные социальные права усиливают эффект стратификации. В Германии воссоздан режим наибольшего благоприятствования активным, квалифицированным, здоровым работникам и осуществлена сегрегация и стигматизация групп, состоящих в «затруднительных трудовых отношениях» (женщин, малоквалифицированных, пожилых, мигрантов, одиноких родителей и пр.);

- «Активизация» не может считаться центральной функцией государства благосостояния, поскольку действительно «нуждающиеся в помощи» лица плохо поддаются стимулированию, принуждению, или она им только осложняет жизнь. Это снижает доверие населения к реализуемым курсам реформ и выявляет неготовность структур государства благосостояния к решению такого рода вопросов (отсутствуют необходимые инструменты).

Сегодня под воздействием внешних и внутренних факторов любая страна меняет систему социально-трудовых отношений. Особая роль в ее реформировании отводится социальной политике. В связи с этим опыт модернизации «консервативного государства благосостояния» представляет для нашей страны чрезвычайный интерес как в ее позитивных, так и негативных результатах.

В **Приложении** систематизируются формы безработицы в Германии и даны результаты авторской обработки массива статистики по темам «Динамика немецкого рынка труда в годы реформ» и «Итоги реализации новой немецкой политики на рынке труда».

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Сизова И.Л. Модернизация государственности благосостояния в странах Организации экономического сотрудничества и развития

(1980-1990 гг.) /Монография. – Н.Новгород. – НИСОЦ, 2008. 235 стр. (14,2 п.л.) ISBN 978-5-93116-101-3

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ

2. Сизова И.Л. Современные направления модификации социальной политики в странах Западной Европы //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 1 (2). 2002. С. 190-199 (0,8 п.л.) ISBN 5-85746-582-6
3. Сизова И.Л. Пенсионное обеспечение в Германии //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 1(3). 2004. С.274-282 (0,5 п.л.) ISSN 1811-5942
4. Сизова И.Л. Социальная политика в условиях реализации новой национальной стратегии регионального развития //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». Н.Новгород: ННГУ, 2006. Выпуск 1(5). С. 360-366. (0,6 п.л.) ISSN 1811-5942
5. Сизова И.Л. Социальное государство в современном обществе и динамика российской композиции социальной политики //Личность. Культура. Общество. Т.8. Вып.3(31). Москва, 2006. С. 172-194. (1,2 п.л.) ISSN 1606-951X
6. Сизова И.Л. Государство благосостояния и хозяйственное развитие // Социология. № ¾. Москва, 2007. С. 122-132 (0,5 п.л.) ISSN 1812-9226
7. Сизова И.Л. Новая немецкая политика на рынке труда и ее научное сопровождение //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород, 2008. № 3. С. 305-315. (1 п.л.) ISSN 1993-1778
8. Сизова И.Л. Политика реформ в государствах благосостояния в 1980-1990-е гг. // Социально-гуманитарные знания. № 4. Москва, 2008. С. 255-264 (0,5 п.л.) ISSN 0869-8120
9. Сизова И.Л. «Количественная» экспансия государства благосостояния после второй мировой войны» //Вестник Вятского госуниверситета. Сер. Социальные науки. 2008. №. 4(4). С. 147-152.(0,6 п.л.) ISSN 1997-4280

Статьи, тезисы докладов

10. Сизова И.Л. К.Аденауэр и проблемы единства немецкой нации (социально-экономические аспекты проблемы объединения) // Проблемы истории и творческого наследия проф. Н.П.Соколова. – Н.Новгород: ННГУ, 1998. С. 130-138. (0,4 п.л.)
11. Сизова И.Л. Горнорабочая система пенсионного страхования в ФРГ // Материалы Международной научно-практической конференции “Пожилые люди - взгляд в XXI век”. - Н.Новгород: ННГУ, 1999. С. 140-144. (0,3 п.л.)
12. Сизова И.Л. Из истории становления социальной политики в ФРГ // Труды молодых ученых ФСН ННГУ. – Н.Новгород: ННГУ, 2000. С. 8-13. (0,4 п.л.)

13. Сизова И.Л. Социальное партнерство в России //Вестник Харьковского национального университета. "Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы". Харьков, 2000. № 489. С. 189-194. (0,6 п.л.) ISSN 0453-7998
14. Сизова И.Л. Социальные проблемы и профсоюз горняков в период структурного кризиса в угольной промышленности ФРГ (1960-е гг.) // Духовный мир человека. Проблемы и перспективы. Н.Новгород: НКИ, 2000. С. 320-323. (0,2 п.л.)
15. Сизова И.Л. Социальные последствия консервации шахт в Рурском угольном бассейне в 1960-е гг. //VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Тезисы докладов. - Н.Новгород: ННГУ, 2000. С. 138-145. (0,7 п.л.)
16. Сизова И.Л. Система государственной социальной политики за рубежом: цели, принципы и носители //Социальная политика социального государства. Нижний Новгород: ННГУ, 2002. С. 566-573 (0,5 п.л.) ISBN 5-93116-007-8
17. Сизова И.Л. Социальные права человека: этапы становления и перспективы теории и мировой практики //Социология социальных трансформаций. - Н.Новгород: НИСОЦ, 2003. С. 453-455. (0,3 п.л.) ISBN 5-93116-048-5
18. Сизова И.Л. Основные элементы профессиональной концепции социальной работы, ориентированной на географически ограниченное пространство //«Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты»: в 2-х т. Т.2 /Под общ. Ред. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: НИСОЦ, 2004. С. 182-186. (0,3 п.л.) ISBN 5-93116-061-2
19. Сизова И.Л. Общественная солидарность и социальное партнерство // Медиевистика и социальная работа: Сборник научных трудов /Под ред. Е.А. Молева. – Н.Новгород: ННГУ, 2004. С. 294-307. (1 п.л.)
20. Сизова И.Л. Стратегия развития Нижегородской области // Государственное регулирование экономики: региональный аспект. Материалы пятой Международной научно-практической конференции. Н.Новгород: ННГУ, 2005 г. С. 399-404. (0,5 п.л.) ISBN 5-85746-882-5
21. Сизова И.Л. Проблема разделения полномочий в управлении социальной политикой //«Организация в фокусе социологических исследований». Материалы Международной научно-практической конференции. Н.Новгород: ННГУ, 2005 г. С. 152-160. (0,6 п.л.) ISBN 5-93116075-2
22. Сизова И.Л. Некоторые аспекты теории социального государства // “Сорокинские чтения. Будущее России: стратегия развития”. Материалы II Всероссийской научной конференции – М.: МГУ, 2005. <http://lib.socio.msu.ru> (0, 2 п.л.)
23. Балабанов С.С., Саралиева З.Х., Сизова И.Л. Ожидаемые последствия муниципальной реформы для социальной защиты населения (на примере Нижегородской области) //Ресурсы социальной работы в XXI

- веке. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2006 г. (0,2/0,2/0,2 п.л.)
24. Сизова И.Л. Региональная политика государства благосостояния // Материалы международной научно-практической конференции. Саранск, 2006. (0,2 п.л.)
  25. Сизова И.Л. Бедность и борьба с бедностью в государствах благосостояния: современное состояние и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». Н.Новгород: ННГУ, 2007. № 2(7). С. 78-86. (1 п.л.) ISSN 1811-59-42
  26. Кульпина К.П., Сизова И.Л. Участие населения в реализации социальной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия «Социальные науки». Н.Новгород: ННГУ, 2007. № 2(7). С. 62-69. (0,4/0,4 п.л.) ISSN 1811-5942
  27. Сизова И.Л. Трансформационные процессы в государствах благосостояния // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород, 2007. № 3. С.256-264. (1 п.л.) ISSN 1993-1778
  28. Сизова И.Л. Социальное неравенство шансов на здоровье, нормы справедливости и государственная политика в области здравоохранения: экстраполяции // «Вклад НКО в реформу социальной сферы: улучшение здоровья населения, внедрение инклюзивного образования и жилищная реформа». Материалы интернет-конференции Информационно-аналитического портала SocPolitika.ru. 2007. <http://www.socpolitika.ru/rus/conferences/3985/3989/index.shtml> (0,5 п.л.)
  29. Сизова И.Л. Репродуктивные установки молодых семей и демографическая политика // «Ценность детей и межпоколенные отношения». Материалы международного исследования. Н.Новгород: НИСОЦ, 2008. С. 150-166.(1 п.л.) ISBN 978-5-93116-098-6